

НИЛЬС ХАГЕН

**МОСКОВСКИЕ
ИСТОРИИ**

Нильс Хаген

Московские истории

«Книма»

2015

Хаген Н.

Московские истории / Н. Хаген — «Книма», 2015

Нильса Хагена нельзя отнести к тем авторам, что каждый месяц балуют своих читателей новой книгой. Тем ценнее этот роман для поклонников творчества датчанина, любившего Россию. Со времен «Охоты на викинга» прошло три года. Нильс Хаген женился, вернулся в Москву, в значительной степени обрусел и успел стать полноправным участником нескольких авантурных полукриминальных историй. Эти истории и легли в основу книги, которую вы держите в руках.

© Хаген Н., 2015

© Книма, 2015

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	32
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Нильс Хаген

Московские истории

*Подступай
к глазам,
разлуки жижжа,
сердце
мне
сентиментальностью расквась!
Я хотел бы
жить
и умереть в Париже,
если б не было
такой земли —
Москва.*

В. В. Маяковский

Часть первая

Не все то золото...

Глава 1

Беременная женщина – это совершенно отдельный вид человека. И в половом, и в интеллектуальном, и в эмоциональном, и в физическом плане. Все, думаю, помнят, как мы проходили в школе этапы развития рода людского: синантроп, питекантроп, гейдельбергский человек, неандерталец, хомо эректус, кроманьонец, хомо сапиенс. Ну, или наоборот, я мог что-то и перепутать, не важно.

Так вот – беременная женщина ни к кому из вышеперечисленных отношения не имеет. Она – хомо беременнус, хотя я временами даже сомневаюсь, что тут вообще можно употребить латинское «хомо», то бишь «человек». Скорее уж она – это какой-то сплав, конгломерат различных персонажей из фольклора и литературы, фантастических существ и свежего ветра, залетевшего в форточку.

Представьте себе существо с интеллектом белки, энергетикой фокстерьера, въедливостью поползня и грацией моржа – ну, это на поздних сроках, – помножьте все это на характер королевы из той самой чешской сказки Божены Немцовой, где сумасбродной девчонке захотелось в канун Рождества заполучить подснежники – и вы получите хомо беременнус в первом, самом приблизительном, общем виде.

Беременная женщина – это сущее наказание, испытание для мужчины, стальной молот, каждую секунду проверяющий на прочность узы брака. Слово «узы» мне нравится больше, чем «цепи» или «оковы», хотя означает оно именно это. Впрочем, черт с ними, со словами. Конечно, на дверях церкви, или, как принято в России, на дверях ЗАГСа, предупреждение об опасности не висит, но все мы, мужчины, знали и понимали, на что шли, надевая на пальчики своих возлюбленных золотые и позолоченные кольца. Ну, или, по крайней мере, большинство из нас знало. Поэтому ныть и жаловаться поздно, да и бессмысленно. В Дании говорят:

«Хочешь стать рыбаком – построй лодку, хочешь стать пастором – построй церковь, хочешь стать ломовой лошадью – построй семью». Каждый выбирает ношу по себе.

Привыкнуть к беременной женщине нельзя. Заставить ее делать то, что нужно, а не то, что хочется, невозможно. И когда спустя пару недель эйфории после сакральной фразы: «Милый, у нас будет малыш!» – ты впервые сталкиваешься с тем, что твоя ненаглядная, милая, нежная, ласковая любимая женщина превращается в хомо беременнус, ты понимаешь: все, парень, «Oh, oh, you're in the army now!»¹, и твоя основная задача на ближайшие восемь с лишним месяцев: терпеть, выполнять, помогать, обеспечивать и снова – терпеть. А главное – ничему не удивляться, всегда быть приветливым, спокойным и позитивным.

Я не знаю, может быть, есть женщины, у которых беременность протекает как-то иначе, без такой вот глобальной перестройки организма и изменений личности, но, судя по моим знакомым, а самое главное – по Арите, это большая редкость.

С Аритой я познал все «прелести» и «радости», которые поджидают мужа беременной женщины, сполна. Как опять же говорят у нас в Дании, «зачерпнул большим ковшом с самого дна». Нет, вначале все было хорошо, вполне ожидаемо и предсказуемо: легкий токсикоз, какие-то опять же легкие блуждающие боли где-то в сокровенных недрах ее очаровательного плоского живота, затуманенный взгляд моей ненаглядной по утрам, устремленный вроде бы за окно, а на самом деле куда-то в горные выси, недоступные простым смертным. Была рассеянность и постепенная смена интересов и вкусов:

– В тот ресторан, где официант черный, больше не пойдем...

– А что случилось, милая?

– Мне не нравится их кухня, там все острое, а это вредно для малыша. И еще...

– Что?

– Я не расистка, но тот черный так странно смотрит... как будто сглазить хочет.

Я хмыкал, улыбался, пожимал плечами и вычеркивал удобно расположенный и недорогой ресторан с отличной кухней из списка наших любимых мест. В конце концов, это же пустяк, которому не стоит придавать значения, не так ли?

А потом ветер беременности спустился с гор и обрушился на уютную долину нашей семейной жизни, словно тихоокеанский тайфун. И начался ад. Или, как говаривал мой когда-то приятель Дмитрий, «адский ад».

– Ни-и-и... – мурлыкала Арита утром, когда я уходил на работу. – Я хочу-у-у... Прямо сейча-а-ас...

И она цеплялась за мою спину, словно кошка, и ползла по кровати ко мне, и урчала, изгибаясь и постанывая, вся такая теплая, манящая и похотливая. Конечно же, я оставался и безнадежно опаздывал на работу. Это длилось неделю или дней десять.

Положа руку на сердце, так много и так часто я не занимался любовью не то чтобы давно, а по сути – никогда.

Потом я начал замечать, что у нее переменялись вкусы в постели. Нежность постепенно исчезла, появилась жесткость. Она до крови царапала мне плечи и спину, а однажды так вцепилась в шею, что я едва не задохнулся. Я терпел, но организм мой однажды взбунтовался и попросту не захотел «функционировать».

И вот тут я впервые в жизни увидел хомо беременнус во всей красе.

– Ты меня не любишь! – рыдала она, размазывая по лицу самые настоящие слезы. – Скоро я стану толстой и некрасивой, у меня будет вот такенный живот... пузо, брюхо! Грудь... сиськи, титьки отвиснут! По лицу пойдут пятна... И ты меня бро-о-осишь! Ни-и-и, ты найдешь дру-гую-ю-ю...

¹ «Теперь ты в армии» (англ.). Идет отсылка к песне «In the Army Now» британской рок-группы Status Quo. (Здесь и далее примечания переводчика.)

Уткнувшись лицом в подушку, она еще что-то говорила сквозь слезы, а потом вдруг вскочила и кинула на меня гневный взгляд.

– Да ты уже нашел себе любовницу, а? – зашептала она каким-то диким, горячечным шепотом. – Нашел?! Ну конечно нашел! Ты же датчанин, человек рассудительный и прагматичный. Зачем тебе беременная корова, при тебе должна быть красотка, молодая, яркая...

Поначалу я честно пытался оправдываться. Я уверял, что люблю только ее. Я клялся, что никаких любовниц у меня нет, не было и никогда не будет. Я приводил доводы, использовал логику, но потом понял, что это бесполезно. Ариту несло. В связи с перестройкой организма гормоны там теперь, судя по всему, выбрасывались безо всякого контроля, и в голове бушевали эмоциональные бури.

Мне было жаль ее. Но сделать я ничего не мог, поэтому просто терпел, ждал и старался как-то облегчить ее состояние.

Через какое-то время Арита успокоилась. Она странно посмотрела на меня – в ее глазах еще жили отблески того безумия, что владело ею, – и тихо сказала:

– Прости, Ни... Сама не знаю, что это на меня нашло. Давай сходим куда-нибудь? Я сейчас приведу себя в порядок, оденусь, и мы пообедаем... в каком-нибудь простом месте, без пафоса. На «Даче», например, а?

– Милая, – растерялся я. – Сейчас не получится... мне надо на работу... у нас сегодня встреча с аудиторами...

И снова моя милая Арита исчезла, а на ее месте возник хомо беременнус.

– А-а, тебе уже стыдно со мной куда-то выйти? Я толстая, да? Страшная? Ур-р-родина?! Ну и вали на свою работу! И трахайся там с секретаршами, кобель датский! Давай, давай, чё сидишь?! Вали!!

Потом, в последующие дни, таких приступов было еще много. Всё, буквально всё, что казалось искаженному сознанию Ариты противоречащим ее мыслям и желаниям, тут же выливалось в истерики. Повод мог быть самым ничтожным, например мой приезд с работы на пятнадцать минут раньше обычного, – и на меня обрушивался самум, в центре которого размахивала руками разъяренная Арита, уверенная, что я приехал раньше потому, что «у секретутки критические дни».

В редкие моменты успокоения она плакала и просила меня потерпеть – врач сказал, что это постепенно пройдет, как только плод начнет расти. Я и сам понимал, что рано или поздно все закончится, поэтому просто обнимал ее и шептал в ухо всякие нежности.

Мне, повторюсь, было безумно жалко Ариту. И я очень страдал от того, что не могу перевалить на свои плечи хотя бы часть тех испытаний, которые выпали на ее долю. Я искренне переживал от того, что мужчины не могут рожать! Потому что это жестоко – так терзать одних только женщин. Именно в тот период я постиг смысл русского слова «вымучить». Арита вымучивала нашего ребенка. А я? Я просто терпел. Это было несправедливо.

Постепенно эмоций стало меньше, психозы угасли, как осенние костры. Арита полностью охладела к постельным желаниям и набросилась на еду. Теперь ее больше не смущали черные официанты, которые «не так смотрят», – ее интересовали размеры порций и вкус блюд.

Господи, как она ела! Двумя руками, наплевав на правила и этикет, Арита впихивала в себя мясо, рыбу, пирожные, фрукты, каши и супы. Она могла одновременно есть арбуз, сельдь, эклер и мраморную говядину, запивая все это молочным коктейлем.

Наш холодильник превратился в пещеру Лукулла. Он под завязку был забит всевозможной снедью – на третьем месяце Арита полюбила есть по ночам. И практически каждую ночь выяснялось, что, несмотря на огромный ассортимент продуктов, чего-то не хватает и именно вот это «чего-то» ей сейчас хочется больше всего на свете.

Я брал ключи и ехал по «Азбукам вкуса». Причем – это могла быть как банальная манная каша, так и вареные раки. А вы пробовали найти в Москве в три часа ночи раков? Попро-

буйте. Это весьма интересное времяпрепровождение, особенно если в семь утра вам нужно просыпаться и ехать на работу. Продавщицы узнавали меня и ободряюще улыбались, помогая упаковывать пакеты с едой:

– Держитесь! Это закончится...

Я терпел, штудировал Экклезиаста и повторял про себя, как мантру: «Все проходит, пройдет и это». И действительно – к пятому месяцу гастрономический угар у Ариты прошел. Она стала точно такой, какой представляла себя в самом начале беременности, – с пятнами на щеках, с животом и разбухшей грудью. Мне это казалось невероятно милым и трогательным – она походила теперь на какого-то зверька из японской манги, на Тоторо или покемона, но Арита, а точнее, живущий в ней хомо беременнус, естественно, считала иначе. Началась борьба за красоту.

Жидкость для отбеливания щек на основе свинца я вылил в унитаз, несмотря на протесты и стоны Ариты, после чего был заклеямен как «узурпатор и самодур». Она собралась даже уехать к маме в ее родной городок Тогучин Новосибирской области, «потому что меня тут никто не понимает», пришлось подарить ей весь ряд продукции «Диор», и она осталась.

Справедливости ради, «косметический период» продлился недолго – ему на смену пришла «эзотерическая эпоха». Арита прочитала то ли статью, то ли книгу о том, что формирование личности человека начинается не с рождения, а практически с зачатия, накупила каких-то сомнительных книжонок на эту тему – и сани понесли под гору.

– Нильс!!! Мы опоздали на целых пять месяцев! – почти кричал мой ненаглядный хомо беременнус. – Надо наверстывать!

– Что наверстывать? – спросил я, отрываясь от квартальных отчетов.

– Прежде всего нужно установить канал связи между нашим малышом и ноосферой, – заявила Арита, тыча пальчиком в какую-то брошюрку, напечатанную на дешевой серой бумаге. Я тут же про себя решил, что выброшу ее, как только Арита уснет. – Вот смотри, необходимо провести обряд посвящения Великому Разуму Вселенной... Видишь, тут схема пентакля, который нужно нарисовать на животе. Рисовать будешь ты!

– Почему я? – оторопело спросил я, глядя на фотографию в брошюрке. Там был изображен шар, весь исчерканный черными загогулинами.

На мгновение мне сделалось дурно, но тут на ум пришло высказывание Экклезиаста: «Суета сует, – сказал Проповедующий, – суета сует: всё суета. Что пользы человеку от всех его трудов, над чем он трудится под солнцем? Род уходит, и род приходит, а Земля остается навек. Восходит солнце, и заходит солнце, и на место свое поспешает, чтобы там опять взойти; бежит на юг и кружит на север, кружит, кружит на бегу своем ветер, и на круги своя возвращается ветер; бегут все реки в море, – а море не переполнится, к месту, куда реки бегут, – туда они продолжают бежать. Всё – одна маета, и никто рассказать не умеет, – глядят, не пресытятся очи, слушают, не переполнятся уши». Эти строки придали мне уверенности.

– Чем его рисуют?

– Вообще-то надо рисовать кровью белого петуха, но тут написано, что можно и красной гуашью, – завороченно произнесла Арита, вчитываясь в книжонку. – И свечи, обязательно нужно десять свечей... А еще...

В этот момент я вдруг понял, что нужно сделать, чтобы минимизировать урон от очередного «пунктика» хомо беременнус.

Я вспомнил о Прозерпине.

* * *

Эта странная женщина, фактически уже почтенная матрона, работала у нас в банке делопроизводителем по скользящему графику «день через два». Звали ее, конечно, вовсе не Про-

зерпина, а вполне тривиально: Людмила Петровна Лагутина. Прозерпиной она была в свободное от работы время. Дело в том, что Людмила Петровна с детства увлекалась астрологией, эзотерикой, экстрасенсорикой и прочей хиромантией. И, судя по всему, достигла в этих областях определенных результатов, потому что ее несколько раз приглашали на телевидение в качестве эксперта в разнообразные передачи вроде «Битвы экстрасенсов», а у дверей банка вечером нередко можно было увидеть какую-нибудь тетушку или женщину с заплаканными глазами, явившуюся на встречу с Прозерпиной, чтобы узнать судьбу или отвадить своего благоверного от выпивки или походов налево.

Людмила Петровна помогала всем, причем, как я понимаю, весьма успешно и совсем не бесплатно. Я, естественно, отдаю себе отчет, что все это – мракобесие, «новое средневековье» и лженаучный бред, но, если люди хотят во что-то верить, они со временем проникаются осознанием того, что объект их веры – истинный. И уже не важно, о чем идет речь – о Приапе, Священном древе, Макаронном монстре или Ктулху.

Так случилось и с нашей Прозерпиной. В нее поверили, и скромная делопроизводительница, пожилая женщина с пучком седых волос, превратилась в самую настоящую колдунью. Ну, или волшебницу – разница тут, на мой взгляд, не больше, чем между шпионом и разведчиком.

У нас в банке авторитет Людмилы Петровны как предсказательницы вырос до небес после того, как она предрекла крах на Шанхайской бирже. Я слышал, что заказы на составление гороскопов ей присылали из Германии и Люксембурга, а на сеансы общения с духами почивших родственников приезжали люди из Канады и Франции. Словом, Людмила Петровна была нарасхват. Иногда, глядя в ее умные, чуть лукавые глаза за стеклами больших круглых очков, я думал, что она – хитрая аферистка, но все же склонялся к мысли, что она и сама верит во всю эту астрологическо-эзотерическую чепуху.

Мое предложение поговорить с Аритой на тему «духовного воспитания» нашего будущего малыша Людмила Петровна встретила с энтузиазмом.

– Нильс, уважаемый, вы даже сами не знаете, как вам повезло! Видимо, все было predetermined на небесах, и астральные нити судьбы привели вас ко мне! – улыбаясь, сказала она. – Буквально завтра у меня начинается цикл сеансов для беременных пар по гармонизации отношений между родителями, будущими детьми и макрокосмосом. И как раз – вы представляете? – есть два свободных места! Это провидение их для вас держало!

– Почему два? – оторопело спросил я. – Почему «для нас»?

– Сеансы предназначены для семей, – объяснила Прозерпина, поправив платиновую прядь. – Это же очевидно: гармонизация работает только при наличии астральных полюсов инь и ян. Понимаете?

Я вежливо кивнул. А что еще оставалось делать?

* * *

На сеанс мы прибыли с опозданием – Арита трижды наносила и смывала косметику, прежде чем мне удалось убедить ее, что «вот так – отлично!». Народу в небольшом, но хорошо проветриваемом помещении школьного класса, арендованного в воскресный день нашей Прозерпиной, было достаточно много – человек пятнадцать. Точнее – шестнадцать, поскольку все утки и впрямь были парами. От количества хомо беременнус у меня буквально зарябило в глазах, а тут еще сразу со всех сторон началось:

– Ой, мне здесь душно, Женя, давай пересядем вон туда!

– Милая, но там занято.

– Тогда давай уйдем. Я хочу пончик!

– Саша, мне душно! Тут определенно нечем дышать! Давай сядем к окну, там форточка открыта.

– Киска, ну там же занято.

– Все, я хочу на улицу. Пойдем!

Две вставшие пары столкнулись в проходе, и Женя с Сашей быстро сообразили, что нужно просто направить своих хомо беременных на освободившиеся места – все же сеанс стоил довольно приличных денег, и выбрасывать их на ветер явно никому не хотелось. Мне показалось, что похожего на Пирса Броснана Женю я где-то видел, но тут его жена – высокая крашеная блондинка с накачанными силиконом губами – опять начала капризничать. Теперь ей необходимо было «сожрать какую-нибудь дрянь типа чипсов», и я переключил свое внимание на нее.

Арита, к ее чести и моему спокойствию, вела себя тихо. Она только вертела головой и поблескивала глазками, как мышка, впервые оказавшаяся внутри буфета, наполненного всевозможными вкусностями.

Людмила Петровна, Прозерпина, явилась с десятиминутным опозданием, на что Женина жена с силиконовыми губами не преминула обратить внимание:

– Могли бы и предупредить, что опаздываете. В двадцатом веке же живем.

В гробовой тишине раздался одинокий смешок Ариты.

– В двадцать первом, – машинально поправил я.

– Мужчина-а, – девушка повернулась в нашу сторону, – жену свою учите, ага? А я лучше знаю, в каком я веке живу.

Я покосился на Женю – он сидел с каменным лицом тибетского монаха, глядя прямо перед собой.

– Ну, друзья, раз мы все тут уже собрались, то давайте начнем! – жизнерадостно объявила Прозерпина. – Нас ждут неизведанные пути, сокровенные знания и великие открытия. Обещаю вам, что в финале нашего сеанса вы познаете радость приобщения к великой тайне мироздания и сумеете намного лучше познать этот мир. Ведь как писала Елена Петровна: «Нынешняя земная жизнь есть падение и наказание. Душа обитает в гробу, который мы называем телом. Жизнь, таким образом, скорее является сном, чем действительностью. Подобно пленникам в подземной пещере, наши спины повернуты к свету, и мы воспринимаем только тени предметов и думаем, что это реальности. Но эти тени, если мы не абсолютно отдались во власть чувственной натуры, пробуждают в нас смутные воспоминания о том высшем мире, в котором мы когда-то обитали. Заключение дух имеет некоторые неясные и затемненные воспоминания о своем состоянии блаженства до начала цикла рождений, а также некоторое томление по возврату туда». Вот я и помогу вам проникнуть туда, где ваши души обитали до рождения и где сейчас порхают души ваших прекрасных чад, спящих в животиках своих удивительных мам...

– А кто это – Елена Петровна? – громко спросила жена Жени.

– Начальник департамента образования Пресненской управы, – вдруг и весьма остроумно, на мой взгляд, ответила Арита.

Прозерпина пропустила реплику моей благоверной мимо ушей и всплеснула руками:

– Ну как же! Елена Петровна Блаватская – это самый большой авторитет, можно сказать, гуру во всем, что касается тонких миров. Она оставила большое наследие и сто с лишним лет назад ушла в астрал...

– Поняла, – перебила ее жена Жени. – Уж лучше бы она оказалась начальником департамента...

– Господа, дамы, давайте уже начинать! – пробасил с задней парты Саша, его активно поддержали со всех сторон, и сеанс наконец-то покатился по тем рельсам, что проложила для него Людмила Петровна.

Сказать откровенно, я вовсе не вникал в то, о чем рассказывала ведущая, только в нужный момент закрывал глаза и, выпуская воздух из диафрагмы, громко говорил:

– Ом-м-м! – и вместе со всеми поднимал руки, шевеля пальцами, «чтобы космическая энергия Великого Абсолюта лучше растекалась по чакрам».

Я наслаждался покоем. Пока Арита была занята, что-то увлеченно конспектируя в тетради, я просто отдыхал – телом, мозгом, а главное, нервами. До сего дня мне даже и в голову не приходило, что на свете вообще существует подобный вид отдыха. Не знаю, что там извлекли для себя полезного хомо беременнусы из болтовни Прозерпины, но, когда спустя полтора часа мы выходили из класса, пропуская дам вперед, из-за чего образовался затор – жене Жени крайне необходимо было оказаться первой, а как же иначе! – я чувствовал себя как после сауны с массажем.

С Женей мы оказались рядом, пропустив всех. Он посмотрел на меня сбоку и улыбнулся. Я даже внутренне вздрогнул: здоровый, почти с меня ростом, накачанный, брутальный мужчина, мужик, как говорят в России, с бульдозерной челюстью и свернутым носом, с какой стати он скалит мне зубы? Мало ли что у них там, в семье, происходит? Судя по животу, его благоверная на тех же сроках, что и Арита.

– Не узнаете? – спросил Женя. – Я Кравцов, Евгений Семенович. В прошлом году мы несколько раз встречались, обсуждая возможность кредитования...

И он назвал несколько компаний, которыми занимался один весьма продвинутый инвестиционный фонд. И тут я, конечно же, вспомнил, откуда мне знакомо лицо этого мужика, похожего на американского киноактера Броснана! Мы же общались, даже пиво как-то вместе попили после окончания рабочего дня. Он заинтересовался метательными топорами, я обещал показать ему свою коллекцию, мы договорились пересечься в одно из воскресений, но потом завертелась моя новосибирская история, я познакомился с Аритой, и встреча наша так и не состоялась.

– Как жизнь вообще? – спросил Женя, еле заметно кивнув на идущую чуть впереди Ариту.

– Нормально, спасибо, – в тон ему и совершенно по-русски ответил я. – А у вас?

– Тоже. – Он чуть скривился, давая понять, что хотелось бы лучше.

– Женя-я-я-я! – раздался из коридора голос его хомо беременнус. – Ну ты где там застря-я-я-ял?

– Может, по пивку? – торопливо предложил он, пробираясь вперед.

– Хорошее предложение, – кивнул я.

– Тогда сотовый можно?

– Конечно. – Я достал телефон и, высветив номер, показал его Жене. Почему-то с приходом смартфонов, айфонов и андроидов я начал забывать собственный номер. Номера друзей и коллег по работе помнил, а свой нет. – Звоните, как время будет, – добавил я и широко улыбнулся какой-то несвойственной для себя американской улыбкой.

– Кто это? – спросила Арита, когда Женя ушел и мы неспешно двинулись к выходу из школы.

– Да никто, – пожал я плечами. – Просто знакомый...

– Но жена у него – забавная дамочка, – подметила Арита.

– А по-моему, просто дура.

– Без дур, – второй раз за день блеснула остроумием моя ненаглядная, – наша жизнь стала бы такой же тоскливой, как кусок фанеры.

И я, подобно герою известного русского анекдота, подумал в этот момент, что жизнь потихоньку налаживается...

Глава 2

– Ни, она мне не нравится! – Арита буравила взглядом хлебницу, и взгляд этот для последней не предвещал ничего хорошего.

Эпопея с хранением хлеба в доме продолжалась уже несколько месяцев и развивалась по спирали. Прежде хлеб у нас лежал в холодильнике в ящике для овощей. Это было удобно, так как Арита практически не ест мучного, а я хоть и люблю хлеб, не разделяю позицию русских, что он – всему голова и без него еда – не еда. На мой взгляд, все эти поговорки растут из голодной древности. Так, русские боготворят хлеб, а французы, например, возвели в разряд деликатесов лягушек и улиток. Отсюда же и посты. Почему бы не заняться смирением плоти, когда съестные припасы заканчиваются, а до лета, богатого на растительную пищу, еще куча времени?

Так вот, хлеб мы ели мало, потому хранить его в холодильнике было удобно с чисто практической точки зрения: он там портился не так быстро. Это продолжалось всю нашу совместную жизнь, пока в один прекрасный день мой хомо беременнус не придумал, что это совершенно неправильно. Я попытался понять причину, но единственное объяснение, которым ошастливила меня супруга, звучало примерно так: «Хлеб в холодильнике становится мертвым». Относится ли эта «мертвость» к вкусовым качествам или консистенции, допытаться не удалось. И каравай – так, кажется, называется по-русски круглый хлеб – переехал из холодильника в полиэтиленовый пакет, висящий на ручке двери.

Через неделю стало ясно, что хлеб в пакете черствеет, прежде чем я успеваю его съесть. Я попытался вернуть его на прежнее место, но не тут-то было. Арита вспомнила, что в ее детстве бабушка хранила хлеб в кастрюле. И очередной каравай был замурован в вытащенной из шкафа и поселившейся на кухонном столе кастрюле.

То ли технология производства кастрюль со времен бабушки сильно изменилась, то ли еще что, а только взаперти хлеб стал довольно быстро покрываться плесенью. Сперва плесень атаковала каравай мелкими серо-зелеными пятнышками, потом в кастрюле стала зарождаться пушистая, странно пахнущая жизнь, и от традиций предков тоже пришлось отказаться.

Я было приготовился вздохнуть спокойно и вернуть хлеб в холодильник, но тут Ариту осенило, что нам срочно нужна хлебница. Так с кухонного стола исчезла кофеварка, потому что пароварку, чайник и соковыжималку убирать было категорически нельзя, а места катастрофически не хватало.

Хлебница прожила недолго. Во-первых, уже через неделю оказалось, что она не «миленькая, веселенькая», а «отвратительно-сиреневого цвета». Во-вторых, она была пластиковой. Хлеб в ней плесневел с той же интенсивностью, что и в кастрюле, но запах плесени, который от кастрюли можно было отмыть без особых трудностей, в пластик впитался намертво. В итоге через пару недель хлебница отправилась на помойку. И хотя к этому времени Арита перестала есть хлеб вовсе, вернуть его в холодильник мне снова не дали по той причине, что «мертвый» хлеб вреден отцу будущего ребенка – то есть мне.

Даже не пытаясь уяснить логику, я смирился. И тут Арита «поняла», что нужна новая хлебница. Натуральная. Деревянная. В ней же все дышит, все живет и черствеет не будет. Хлебница была куплена и вновь водружена на место моей многострадальной кофеварки.

С тех пор прошло две недели. Теперь Арита буравила новую деревянную хлебницу таким взглядом, что казалось, та вот-вот задымится и полыхнет.

– Она же тебе нравилась.

– Никогда она мне не нравилась. Она пошлая, вульгарная и ни с чем здесь не монтируется, – вынесла вердикт жена. – Дешевая молдавская поделка. Выброси ее. Или еще лучше разруби топором.

Еще пару месяцев назад я бы поинтересовался, почему «молдавская», но теперь лишь пожал плечами. Я привык. Если продолжать размышлять с позиции теории видов, то можно выявить изменения и у самца хомо беременнус. Ну а как еще назвать мужа беременной женщины?

В первую очередь эти изменения происходят с нервной системой. Слабые особи теряют самообладание, срываются. Те, что посильнее, – закаляют психику, внешне превращаясь в крепень, а внутренне – в водородную бомбу. Но желание найти собрата по интересам, или по несчастью, временами возникает и у сорвавшихся, и у рвущихся изнутри. Я четко осмыслил это, когда через три дня после похода к Прозерпине на моем горизонте появился похожий на Броснана Женя. Он позвонил как раз в тот момент, когда жена выносила приговор деревянной хлебнице.

– Здравствуйте, Нильс. Это Кравцов. Помните?

– Здравствуйте, Женя, – сам того не ожидая, обрадовался я.

Его звонок избавлял меня от разговора о способе хранения хлебобулочных изделий, и я, изобразив для Ариты извинение на лице, поспешно покинул кухню, ощущая прилив благодарности к малознакомому человеку.

* * *

С Евгением Кравцовым мы встретились на другой день. Он пригласил меня в пиццерию на Чистых прудах с длинным и не совсем понятным названием Andy's Friends Cherry Cafe. Со слов Евгения, там можно было съесть «классную» пиццу и выпить хорошего пива в спокойной приятной атмосфере. Я не очень верю в «приятную атмосферу» московских пиццерий, но отказываться не стал. И правильно сделал. В полуподвальном зале было действительно мило, уютно, немногочленно и не приходилось перекрикивать ни музыку, ни телевизор.

– Приятное местечко, – вполне искренне оценил я.

Женя поднял кружку и отсалютовал мне золотистым пивом с неоппадающей шапкой пены.

– И контингент приличный, – отметил он, отпив сразу полкружки. – Хорошо-то как. Я уж и забыл, когда последний раз пил пиво в спокойной мужской компании.

– Признаться, я тоже.

– Что, – почувствовав знакомую боль, оживился Евгений, – вам тоже нервы сожрали?

Вопрос вышел резким и заставил ненадолго задуматься. В общем, конечно, сожрали. С другой стороны, мне по-прежнему было бесконечно жаль терзаемую гормонами жену. А кроме того, память живо набросала во всех красках супругу Евгения.

– Я не жалею. Бывает хуже.

– Бывает, – со вздохом согласился он и вновь припал к кружке.

Я последовал его примеру. Пиво было свежим, холодным и с легкой горчинкой.

– А жена у вас кто?

– По образованию психолог, по призванию...

– Простите, – перебил мой собеседник.

Я споткнулся об извиняющийся взгляд поднимающегося из-за стола Евгения и замолчал. А он уже прицепил улыбку на лицо и двинулся к кому-то за моей спиной. Я обернулся.

В паре столиков от нас стоял улыбчивый мужчина на вид лет пятидесяти. Росту в веселом незнакомце было явно за метр восемьдесят, так что с Евгением они сшиблись, как два айсберга. Коротко по-приятельски обнявшись, мужчины принялись о чем-то весело болтать, и, судя по отголоскам фраз вроде: «Видел тут твой “Крик совы”. Годная киношка», речь шла не об инвестициях. Хотя что-то знакомое в лице добряка-весельчака проскальзывало.

Евгений вернулся минут через пять, когда мне уже стало порядком надоедать мое вынужденное одиночество.

– Простите, Нильс, встретил знакомого. Вы, кстати, его узнали?

– Боюсь, что нет.

– Сергей Пускепалис. Актер, режиссер, большой талант и просто чудесный человек. «Крик совы» видели?

Я покачал головой.

– А «Метро»?

– Это где поезд в московской подземке затопило?

– Он там главного героя играл.

Я едва сдержал желание обернуться и еще раз поглядеть на добряка-весельчака, с которым еще минуту назад весело болтал Евгений. Главного героя из фильма «Метро» я помнил, но с этим человеком экранный образ не монтировался совершенно.

– А вы его откуда знаете? – полюбопытствовал я.

– Я много кого знаю из людей искусства.

– Инвестируете в кинематограф?

– Нет, просто моя жена владеет арт-салонем. Тут недалеко, буквально в нескольких домах. У людей искусства все рядом. Они, так или иначе, все в одном пространстве вертятся. Актеры, режиссеры, писатели, художники, музыканты – у каждой профессии своя песочница, но вместе с тем все эти песочницы в одном дворе. А ваша жена – психолог, вы сказали? Вам должно быть проще. Хотя... сапожник без сапог, психолог без...

– Она психолог только по образованию. А по призванию она жена финансиста.

Женя посмотрел на меня с уважением:

– Вам повезло. Найти жену, которая обеспечивала бы тыл и была в прямом смысле «за мужем», в наше время трудно. Практически невозможно. Особенно в Москве. Все хотят быть самостоятельными, эмансипированными и сильными.

Я отчего-то вспомнил свою первую любовь – французскую художницу Мархи.

– А что плохого в сильной женщине?

– Ничего плохого, – пожал плечами Евгений. – Кроме того, что их в природе практически не существует. Нет, встречаются иногда бой-бабы, но это отдельный вид людей – мужики в юбках. А за обычной эмансипе чаще всего стоит стержневая девочка, жаждущая придуманного равноправия, но напрочь забывающая о нем в тот момент, когда ты начинаешь говорить с ней как с деловым партнером, а не как с девочкой. Я уж молчу, что любая «сильная женщина» становится просто женщиной, когда ей нужно сесть в вагоне метро или трамвае.

– Женя, у вас явно был не самый приятный опыт общения с такими женщинами.

Он вздохнул и махнул рукой.

– Бог с ними. Давайте выпьем, Нильс. И, может быть, уже перейдем на «ты»? Неловко чувствую себя, когда мне «выкают» не на работе.

Разницу между «ты» и «вы», равно как и традицию смены обращения для сближения, мне в свое время объяснил Дмитрий. Это было в те далекие времена, когда я еще не понимал ни единого «народного» выражения, путался в падежах, а сам Дмитрий занимал весьма значимое место в моей жизни, считался моим товарищем, не предавал и не продавал меня².

– Давай на «ты», – согласился я.

И мы сблизились. До такой степени, что, когда я пришел домой, благоухая пивом и покачиваясь, Арита посмотрела на меня глазами разъяренной волчицы. Я был готов к все сметающей истерике на тему: «я настолько страшная, что ты уже пить начал», но жена вопреки ожиданиям заговорила с ледяным спокойствием:

– Где ты до сих пор был, Хаген?

– Помнишь Евгения? Того человека с сеанса Людмилы Петровны?

² Здесь идет отсылка к событиям, описанным в первом романе Нильса Хагена «Охота на викинга» (М.: Книма, 2016).

– Какой Людмилы Петровны? – не поняла Арита.

– Ну Прозерпины. Там был Евгений и его эксцентричная жена. Помнишь? Вот мы с Евгением и встретились.

– По работе? Или женам кости перемыть? – В голосе Ариты сквозила какая-то скупость. Это было что-то новое в поведении моей благоверной и, как все новое, пугало.

– Просто поговорили. Он топ-менеджер, работает в крупном инвестиционном фонде. Кроме того, у него много знакомых в шоу-бизнесе и искусстве.

– Вот так всегда, – тут же среагировала супруга. – Как что-то интересное, так без меня. Конечно, со мной в свет не выйдешь. С таким-то брюхом.

Я нежно взял Ариту за руку.

– Успокойся, ты ничего не пропустила. В субботу они придут к нам в гости.

Рука Ариты мгновенно напряглась. У меня в голове метнулась мысль, что я совершил стратегическую ошибку. Сообщать такие новости хому беременнису нужно было с безопасного расстояния.

– Нильс! Хаген! – отдельно и предельно угрожающе отчеканила жена: – Ты! В своем! Уме?!

* * *

Оставшиеся до выходных несколько дней напомнили мне читанную еще в юности «Божественную комедию» Данте Алигьери. Точнее сказать, первую часть комедии. Может быть, я не прошел все девять кругов ада, но на половине из них явно побывал. Настроение Ариты менялось с такой быстротой и непредсказуемостью, что переменчивость осенней погоды не шла ни в какое сравнение.

– Ни, как ты мог их пригласить, не спросив меня? Какие могут быть гости, когда я в таком виде?

– Ни, а что вам приготовить на субботу?

– Ни, я не в состоянии принимать гостей. Мне тяжело.

– Ни, не вздумай ничего отменять. Я тут и так уже в четырех стенах с ума схожу.

– Да пропади ты пропадом, Хаген, со своими гостями. Ты пригласил, а я теперь должна расхлебывать. Зачем мне вообще все это нужно? Еще эта дура... а он, наверное, подкаблучник.

– Не смей называть ее дурой. Все вы, мужики, такие: раз беременная женщина, то сразу идиотка.

И это все продолжалось на разные лады до бесконечности. Объяснять, увещевать или доказывать что-то было бесполезно. К субботе я уже готов был сам все отменить под любым предлогом. Даже сломать ногу, если перелом ноги станет адекватным поводом для отмены приглашения.

И дело было даже не в том, что гости как-то обременили бы Ариту. Готовить я ей, конечно же, не позволил, еда была заказана из ближайшей «Чайханы». Изначально я хотел заказать из «Кафе Пушкинь», но Арите захотелось плова и чебуреков... Просто в последний момент я вдруг отчетливо понял, что боюсь двух беременных женщин в одном помещении. Боюсь неадекватных реакций, боюсь, что вместо милого товарищеского застолья случится война. Вот если женщины резко друг другу не понравятся, что тогда? Моя беременная жена не станет сдерживаться в словах и выражениях. Супруга Жени, насколько я понимал, тем более.

Но в этот раз нерешительность спасла мир. Пока я размышлял о переломе ноги, гости уже позвонили в дверь.

Я приклеил улыбку и пошел открывать. А вот удержать улыбку на лице оказалось непросто. Одного взгляда на Евгения мне хватило, чтобы понять: он одержим теми же страхами и наверняка еще полчаса назад думал если не о переломе ноги, то о чем-то похожем.

Впрочем, наши страхи неожиданно оказались напрасными. Гости разделись, прошли в квартиру. Осмотрелись, пообщались, а ничего страшного не произошло. Начался и закончился обед, но никто никому так и не вцепился в волосы. Более того – наши беременные жены нашли общий язык и прекрасно общались между собой. Со стороны Ариты я не видел такого спокойного, адекватного общения уже несколько месяцев. И я окончательно расслабился. Мы оставили женщин обсуждать женские дела и уединились в моем кабинете с кофе и коньяком. В конце концов, надо было выполнить давнее обещание и показать Жене свою коллекцию.

По теории американского психолога Абрахама Маслоу, все человеческие потребности можно разделить на несколько типов и уложить в схему в виде пирамидки. У основания пирамиды будут базовые потребности, в них входит то, что необходимо человеку для физического выживания: воздух, вода, пища. Постепенно потребности растут, и если базовые удовлетворены, то возникают новые. Но этот рост не безграничен: у пирамиды есть вершина, и на этой вершине потребность в самовыражении. Когда у человека есть все, он задумывается о самовыражении. Но что если бог не дал талантов писать стихи или петь фальцетом? В таком случае можно самовыразиться в чем-то, не требующем отдельных навыков и талантов, например в коллекционировании.

Я долго относился к любому собирательству именно так, будь то коллекционирование марок или собирание гербария, пока в один прекрасный день не увлекся топорами. Коллекционировать их я не собирался, все вышло совершенно само собой. Сперва я проникся самим процессом метания топора, потом начал изучать историю вопроса, потом кому-то из близких показалось, что я достаточно увлекся этим, чтобы сделать мне тематический подарок, – и пошло-поехало. Через пару лет все знакомые знали, что я фанат топоров, и, если не могли придумать, что мне подарить на Рождество или день рождения, выбирали новый топор. Мне дарили сувениры, реконструкции и боевое оружие. Мне привозили топоры из заграничных поездок со всех концов света. В результате коллекция разрослась невероятным образом, а я, сам того не ожидая, стал специалистом, способным говорить о топорах часами напролет.

И плевать, если так реализуется моя потребность в самовыражении. Топоры – не какие-нибудь монетки или нэцкэ. Это забава мужская, а потому не стыдная. В нашей московской квартире хранилась лишь малая часть, основная коллекция жила у меня дома в Копенгагене, но Евгению хватило и той малости, что он увидел.

– Никогда не видел столько топоров в одном месте, – сообщил он, азартно сверкая глазами.

Мне был знаком этот блеск. Предупреждая вопросы, я снял со стены один из своих любимых топоров – тот, что мне подарили на мой день рождения несколько лет назад, в тот самый день, когда я познакомился с Аритой, – и протянул Евгению.

Топор приятно тяжелил руку, ощущение этого было написано у Евгения на лице.

– Хочешь попробовать метнуть? – предложил я.

– А можно? – От этой перспективы Евгений, кажется, окончательно перевозбудился, и мне было понятно это возбуждение.

– Можно, – разрешил я и полез доставать колоду.

Дома я топоры кидал крайне редко, но все же случалось. И когда случалось, нужно было что-то вроде мишени. Не в дверь же их швырять, в самом деле. Вот специально для таких случаев и была заготовлена колода.

Я установил колоду и отошел в сторону.

– Кидай, – подбодрил я Евгения.

И он кинул. Первый бросок, как и у многих, вышел неуклюжим. Топор шмякнулся боком о колоду и отлетел на ковер. Ошибка Евгения была в замахе.

– Не так.

Я подобрал топор и подошел к Жене.

– Смотри.

Я медленно занес руку с топором и плавно, чтобы Евгений успел отследить движение, метнул его. Топор коротко свистнул в полете и смачно врубился в дерево.

– Еще попробуешь? – спросил я, выдирая топор из колоды.

– А то!

Несмотря на неудачу, Евгений был полон азарта. По человеку с топором можно сказать многое. Вот по Евгению сразу стало видно, что он не сдастся. Уж скорее прибегут наши жены и разгонят нас, чем Женя бросит попытки засадить топор в колоду.

Я протянул ему оружие. Он замахнулся, пытаясь повторить мое движение, но поторопился, ошибся, и топор снова грохнулся на пол.

– Такими темпами я тебе ковер испорчу, – усмехнулся Евгений.

– Не испортишь. Но если не хочешь, давай бросим это.

– Ну уж нет!

Евгений сам подошел к колоде, поднял топор и вернулся на исходную позицию.

– А я вот решил повышения потребовать, – невпопад сообщил он. – У себя в фонде. На вице-президента. Как думаешь, стоит?

Переход получился настолько резким, что я немного растерялся:

– А что, есть предпосылки?

Евгений швырнул топор, но третий бросок повторил судьбу первых двух.

– Как будто они когда-то у кого-то бывают. Все нужно делать самому, иначе затопчешься на месте. У меня прекрасная клиентская база, которую я родному инвестфонду наработал, а у меня зарплата на одном месте уже год без малого. А сейчас ребенок родится, расходы возрастут.

– Ты же вроде немало получаешь.

– Денег, Нильс, много не бывает. Это аксиома. Черт!

Топор в очередной раз шлепнулся на ковер.

Слова Евгения прозвучали как-то фальшиво, как будто он говорил с чужого голоса. Как будто проверял на мне чью-то теорию, озвучив ее как свою.

– Это ты сам или посоветовал кто? – осторожно спросил я.

– Не то чтобы посоветовали. Скорее, направили.

– Жена?

– Почему сразу «жена»? То есть мы с ней обсуждали, конечно... У нее в салоне постоянные клиенты из наших кругов появились. Ну, зацепились языками, слово за слово, они мне и намекнули, что себя ценить надо. Я сперва тоже в штыки принял, но потом на жизнь оглянулся – на месте ведь топчусь. «На дядю» работаю. И у «дяди» все хорошо, а у меня только жопа в мыле.

Топор пролетел через комнату и зацепился, хоть и коряво, за верхний край колоды.

– Во! – обрадовался Евгений. – А вообще топор какой стороной ни кинь, все равно попадешь. Ну, если в человека кидать, а не в деревяшку.

Он выдернул топор и снова подошел на исходную.

Меня же, честно говоря, волновала уже не столько меткость моего знакомого, сколько его затея с повышением. По работе я знал не только Евгения, но и его начальство. Причем начальство я знал немного лучше. И хорошо понимал, чем заканчиваются разговоры с ним в ультимативной форме.

– Женя, ты сто раз можешь быть прекрасным специалистом, можешь быть профессионалом от бога, можешь фонду прибыль хорошую делать, – попробовал остудить его я, – но это не повод требовать. Ультиматум – вещь рискованная. С ним никакого маневра. Или попал, или пропал. Я бы не стал давить, лучше действовать иначе.

– Как?

– Не знаю. Подумай.

– Вот я и думаю, что Джанибемян, босс мой, только и делает, что пользуется мной и моей клиентской базой, прибыль нехилую стрижет, а мне за это зарплату и бонус раз в год, ну разве это нормально? – Женя покраснел. – Я процент заслужил!

– Женя, я Джанибемяна немного знаю, – попытался говорить как можно спокойнее я. – Он человек очень серьезный и давления в свой адрес не потерпит.

– Не, Нильс, это как с топорами. Не надо думать, надо кидать – и все получится.

– Пока не очень получается, – заметил я.

Евгений посмотрел на меня с прищуром. Скулы его затвердели, губы упрямо сжались.

– Получится.

Он медленно отвел руку и швырнул топор. На этот раз топор плавно сорвался с кисти, пролетел через комнату и с чавкающим звуком глубоко погрузился в самый центр колоды. Женя посмотрел на меня с видом победителя, будто только что доказал свою правоту и мне, и – главное – себе.

– Двадцать первого иду к Джанибемян. Вот увидишь – он меня повесит.

Глава 3

Наверное, каждый человек хочет иметь ученика. По сути, это такое своеобразное проявление родительского инстинкта. И одновременно очень греющая душу вещь: ты чего-то достиг в жизни, что-то умеешь, знаешь и овладел всем этим настолько хорошо, что можешь передавать свое сокровенное и сакральное другим. Ты – гуру. Сенсей. Это очень здорово – ну, для тех, кто правда верит, что обретенные им в жизни знания и умения велики, уникальны и неповторимы.

На самом деле чаще всего обзавестись учениками мечтают тупоголовые начетчики, сами с горем пополам освоившие к тридцати девяти годам методики каких-нибудь сетевых продаж или курсы продвижения товаров в социальных сетях. Но им кажется, что теперь они ухватили за бороды всех богов мира сразу, и вот эти персонажи отправляются читать лекции, вести семинары и вебинары с такой увлеченностью, как будто являются по меньшей мере академиками Вселенской академии Великого Разума.

Смешнее этих сенсеев только сценаристы и писатели. Когда я дружил с Дмитрием, выходцем из писательского цеха, мне не раз приходилось бывать на окололитературных тусовках, фестивалях и конвентах. Количество непризнанных гениев и великих словесников на квадратный метр территории там зашкаливало настолько, что воздух начинал просто искриться от напряжения. И все они, за малым исключением, жаждали обладать учениками. Вести мастер-классы, мастерские, литстудии, обсуждать чужие опусы и с важным видом давать советы и указывать, кому, как и что нужно писать. Надо ли говорить, что при всем при этом по реальному уровню своих литературных дарований все эти люди сами нуждались в наставниках и учителях.

Впрочем, Дмитрий утверждал, что научить писать – невозможно, это дается свыше. Не знаю, не знаю, говорят, и обезьяну можно обучить играть на рояле. Но метание топоров – отнюдь не романистика или стратегии продвижения. Тут как раз тот, кто умеет бросить оружие так, чтобы оно гарантированно, десять из десяти, сто из ста, воткнулось в цель, может научить этому другого. В общем, у меня появился ученик.

Испытывал ли я по этому поводу те самые ощущения, о которых высказался выше? Иными словами, чувствовал ли себя сенсеем и гуру? Да конечно чувствовал! После первого, весьма импровизированного урока в моем кабинете мы с Женей переместились в его пустующий гараж на Октябрьском Поле. Часа после работы вполне хватало, чтобы накидаться железа от души. Конечно, положила руку на сердце, во всем этом был элемент эскейперства, бегства из реальности, тем более что у нас обоих там, в этой самой реальности, обосновались хомо беременнусы.

И мы, черт побери, имели право на час, на один час свободы! Свободы с топорами в руках...

Женя оказался хорошим учеником, это я понял еще в первый раз, когда у него получилось воткнуть топор у меня в кабинете. Но, говоря откровенно, просто бросить обычный сбалансированный топор так, чтобы его лезвие вонзилось в цель, – невелика премудрость. Гораздо сложнее научиться кидать франциски и томагавки, плотницкие топоры и боевые секиры, кидать из разных положений, вперед обухом, левой рукой, правой рукой из-за спины, кидать с завязанными глазами, кидать сидя и даже лежа.

И вот тут мы забуксовали. Дело в том, что в любом деле, подобном метанию топоров, – стрельбе из лука, например – требуется концентрация. Ты встаешь на рубеж и отбрасываешь все, что довлеет над тобой в обычной жизни, – все свои дела и проблемы. Ты становишься чистым и пустым, как аквариум, подготовленный к запуску. Совсем скоро в него положат грунт, камни, посадят растения, залиют воду, запустят рыбок или каких-нибудь шпорцевых лягушек – у меня были такие в детстве, они очень смешно скрипели, высунув крохотные

головки из воды. Но это все – потом, а сейчас ты пуст и чист. И в этой пустоте и чистоте ты аккуратно воспроизводишь все то, что знаешь, все методы, приемы, технику – все до последнего движения. И если ты все делаешь правильно, у тебя все получается.

Бросок – удар, и цель поражена!

Так вот – аквариум Жени не был пустым. Там все время что-то происходило, кто-то плавал, баламутя воду, и чьи-то хищные силуэты проносились от стенки к стенке, пробуждая в памяти атавистические страхи, переходящие в экзистенциальный ужас. Наверное, другой учитель махнул бы рукой на это и просто тупо вдалбливал в голову неопиту азы, не заботясь о том, насколько он воспринимает информацию. В конце концов, просто наслаждаться процессом преподавания – тоже удовольствие, и весьма, как я понимаю, изысканное.

Но уже на третьем занятии я решительно вогнал топорик-эспантон в двухметровый обрубок липового ствола, служивший нам мишенью, сел на старый верстак и спросил:

– Женя, о чем ты все время думаешь? Ты словно наполовину не здесь. С женой проблемы?

– Да нет... – Он замялся, вертя в руках франциску из моей коллекции. – То есть, конечно, проблем там хватает, сам понимаешь...

– Эти проблемы – они ведь проходящие! Однажды все закончится! – с энтузиазмом произнес я. – И у тебя есть отличная возможность сейчас, вот прямо в данный момент, взять и устроить себе часовой отпуск. Просто расслабься, очисти сознание и сконцентрируйся...

– Ну, я... – Он бросил топорик на кожаную сумку, стоявшую в углу гаража, и признался: – Я парюсь по другому поводу...

* * *

Русские очень любят кино. Нет, это не их отличительная особенность как нации – кино любят все и везде. Но русские очень любят интерпретировать кино, как бы опрокидывать его в реальную жизнь. Здесь постоянно говорят цитатами из любимых фильмов, здесь приводят в пример поведение героев того или иного сериала. И песни тут тоже становятся стопроцентными хитами, если они прозвучали в кино.

Человеку, не знающему этой особенности русского менталитета, вот как мне в первый год жизни в Москве, зачастую очень трудно понять, о чем идет речь. Например, плаваешь ты после работы в бассейне, изображаешь такой спокойный брасс а-ля «старый морж», и вдруг тебя обгоняет молодая коллега из отдела жилищного кредитования и задорно кричит:

– Это энергичный танец, Нильс!

Какой танец? При чем тут танец?!

И только вечером в ресторане ты узнаешь от друга Дмитрия, что девушка процитировала культовый для каждого русского фильм «Афоня». Причем, рассказывая все это, голодный Дмитрий отвлекается и кричит официанту:

– Где мой бифштекс?!

И ему приносят... запеченную с каперсами дорадо. Казалось бы – а где бифштекс? Но Дмитрий объясняет, что это тоже цитата, только из другого, не менее культового русского фильма «Человек с бульвара Капуцинов», и заканчивает объяснение фразой:

– Не волнуйся, ты тоже научишься. Все пойдет по плану: после увертюры – допросы, потом – последнее слово подсудимого, залпы, общее веселье, танцы³.

И ты опять понимаешь, что ни черта не понимаешь.

Конечно, со временем я отсмотрел какой-то необходимый минимум советской и постсоветской киноклассики и начал понимать, что имеют в виду люди, когда говорят:

³ Цитата из фильма «Тот самый Мюнхгаузен».

– А где бабуля? Я за нее!

Но по-настоящему увлекся киноцитатами я только тогда, когда в моей жизни появилась Арита. Она любила кинематограф, я любил ее – все остальное случилось как-то само собой. И теперь уже я безошибочно мог ответить, кто пьет шампанское по утрам, комсомолец ли Шурик, где находится комок нервов и что может голова великого магистра. Мы с Аритой даже устраивали соревнования – кто дольше продержится в диалоге, состоящем из одних киноцитат. Она выигрывала чаще, чем я, но не всегда, чем я втайне гордился – все же я иностранец.

Потом, когда я стал практически профи, цитатный пыл как-то поутих, но нет-нет, да и всплывали из памяти в связи с каким-либо случаем удачные фразы, подчеркивающие остроту момента. И вот когда Женя признался мне, что не дает ему сосредоточиться на метании топоров, я в сердцах выдал ту самую сентенцию, что произнес Глеб Жеглов в фильме «Место встречи изменить нельзя»:

– Упрямство – первый признак тупости.

Женя зыркнул на меня зло и даже агрессивно, но тут же потух и кивнул, глядя в пол:

– Можно и так сказать...

В общем, выяснилось, что он таки ходил к Джанибекяну, причем не с просьбой, как советовал ему я, а с требованием повысить оклад и должность. Мало того – мой собрат по жизни с хомо беременнус еще и произнес слово «ультиматум». Я уже говорил, что немного знаю Джанибекяна – он пережил девяностые и умножил капитал. Его можно разжалобить, можно убедить, но продавить – нельзя.

В общем, Женя после «ультиматума» сделался простым российским безработным. Надо отдать должное его начальнику – он предложил моему приятелю выбор и дал сутки на размышление: или Женя возвращается к своим обязанностям, или отправляется на все четыре стороны.

Угадайте, что выбрал наш «великий финансист»? Он посоветовался с женой... и...

– Зачем?! – воскликнул я, едва узнав ответ. – У тебя жена беременная, чем ты думал? На что жить-то будете?

И вот тут его прорвало:

– И ты тоже такой же! – зарычал он в ответ, размахивая руками и брызгая слюной. – Вы что же все, решили, что я только на дядю способен горбатиться, да?! Что я без руководящей роли КПСС не сумею? Да у меня клиентская база такая, что ого-го! Десять лет нарабатывал, понял?! Там человек к человеку, компания к компании! Я всех сделаю, всех! Один, с нуля, сам! Жанка правильно говорит: вы мне завидуете. И пользуетесь!

– погоди, погоди! – Я поднял руки, как бы сдаваясь в плен. – Кто кому завидует, кто кого пользуется? Вот я в чем тебе завидую?

– Да не ты, – отмахнулся Женя. – Они... эти... там. Короче, я всю работу за них делаю, и все бабки тоже я зарабатываю. Жанка верно сказала – без меня они вообще никто. Все развалится.

– Жанка – это Жанна Сергеевна? – уточнил я, вспомнив отчество Жениной супруги.

– Ага, – буркнул он и замолчал.

– Ну и как теперь? – спросил я, выбрав из сумки с топорами короткий черный «клюв». – Куешь железо, не отходя от кассы?

Он усмехнулся и жестко, с вызовом, ответил:

– А ты думал! Уже два проекта в работе, третий на подходе. Веду переговоры с «Газпромом», с «ВТБ-24». Послезавтра встреча, после нее подпишем первый договор. Не скажу с кем, чтобы не сглазить, но поверь – это очень высокий уровень!

– Уверен?

– На сто процентов.

– Даже так? – Я искренне удивился. – Но с кем все же? Я в этом деле кое-что понимаю, может, что-то подскажу.

– Обойдусь! – заносчиво бросил Женя, взял «кошачий коготь», маленький современный топорик, очень сложный в метании из-за хитрой балансировки. – Не обижайся, но я теперь сам себе и консалтинг, и экономист, и психолог.

И, резко взмахнув рукой, он засадил «коготь» в бревно едва ли не на половину лезвия, как бы ставя точку в нашем разговоре.

– Отличный бросок, – похвалил я его. – Что ж, надеюсь, у тебя все получится.

– Получится, получится, не сомневайся! – довольно улыбнулся Женя. – Слушай, мне идти надо, Жанка просила сельдерея купить для фреша и арбуз. Ты закрой тут все, ладно? У меня вторые ключи есть, если что.

– Завтра встретимся?

– Не, завтра никак. И послезавтра. И вообще вся следующая неделя у меня сумасшедшая. Давай в четверг, третьего, в это же время. Ну, пока!

Он ушел. Я покачал в руке «клюв» и бросил, вбив топорик рядом с «когтем». Выдергивая топоры из бревна, я обратил внимание, что «коготь» он воткнул неправильно – обратной стороной, где у топорика имелся кривой шип. Это было непрофессионально, а скорее всего, вообще получилось случайно...

* * *

Арита медленно, но верно выбиралась из бушующих волн гормонального моря, которое, как мне казалось в какой-то момент, едва не поглотило ее. По мере того как ребенок развивался и рос, рос и животик моей хомо берменнус, а ее организм становился более стабильным. Исчезли резкие смены настроения, она все меньше плакала, кричала, да и вкусовые предпочтения перестали напоминать картинки из гастрономического калейдоскопа, где сочетания блюд выпадали в случайном порядке.

Как-то с горем пополам мы отходили на курсы к Людмиле Петровне, и эта страница нашей жизни тоже оказалась перевернута. Арита остыла к эзотерике, да и вообще перестала метаться от одного к другому, и теперь я все чаще заставлял ее на диване, под пледом, с книжкой и яблоком. Это было нормально – если честно, раньше я вообще думал, что все женщины вот именно так и проводят беременность.

После планового ультразвукового обследования – русские называют его просто УЗИ, но мне это слово не нравится, уж больно напоминает название израильского пистолет-пулемета, – на котором нам показали какие-то серые пятна и полосы на экране, она совсем успокоилась и только все время рассматривала распечатанный на гладкой бумаге снимок и восторженно щебетала:

– Ни, смотри, какой он милый! Он похож на моего папу. И на тебя немножко.

Я честно пытался что-то разглядеть в этой мешанине пятен, но, как ни старался, снимок для меня в самом лучшем случае напоминал иллюстрацию к нашумевшей книге «Пятьдесят оттенков серого» – не более. Пришлось подыгрывать.

– Конечно, милая, нос прямо точь-в-точь как у твоего отца.

Это оказалось ошибкой – Арита обиженно засопела.

– Ты что, вообще ничего не видишь?! Нос у него как раз твой, вон какой... рубильник!

Задетый за живое, я попытался на самом деле понять, что же изображено на УЗИ-снимке.

И, повертев его в руках, понял, какой орган приняла за нос моя милая женушка.

– Арита, это не нос. Это...

– Молчи! – закричала она, вырывая у меня бумажный квадратик. – В тебе говорит гендерное превосходство!

– Вообще-то я имел в виду ножку, – осторожно сказал я.

– Ты просто ничего не понимаешь, – отрезала Арита, убирая снимок в специальную папочку, где лежали все медицинские документы. – Кстати, у твоего друга Жени будет девочка. Я видела Жанну на стоянке, пока ты ходил за кофе.

– Да? Ну и как, у них все нормально?

– Конечно. Она прямо взахлеб рассказывала, как они теперь круто стали жить. Женя же ушел из той дурацкой компании жлобов, где его обирали, и сейчас все деньги идут только ему.

Судя по лексике, Арита почти дословно воспроизводила слова Жанны. А я вдруг вспомнил, что завтра третья, четверг, и у нас встреча в Женином гараже.

* * *

Я специально не стал перезванивать накануне, а просто взял сумку с топорами и поехал на Красную Пресню. В конце концов, если Женя не придет, побросаю топоры в свое удовольствие – в десятиметровом гараже это делать удобнее и безопаснее, чем в тесном кабинете. Но он пришел. Точнее, он ждал меня там, сидя на старых покрышках и прихлебывая из горлышка «Чивас». На нем была потертая джинсовая крутка, рваные кроссовки и какие-то странные коттоновые брюки дикой оранжевой расцветки. Трехдневная щетина, пустой взгляд, кривая ухмылка – Женя меньше всего походил на человека, у которого «теперь все круто».

Я бросил сумку в угол – топоры зазвенели, словно колокола, – и уселся на верстак.

– Будешь? – вяло спросил Женя, колыхнув бутылкой, в которой плескалось чуть меньше половины.

– Нет.

Повисла пауза. Если бы мне было пятнадцать лет, я бы, наверное, закричал: «Что случилось?! Рассказывай!» В двадцать пять, скорее всего, я бы выдал что-то циничное типа: «Что, брат, судьба повернулась к тебе задом?» Но мне сейчас уже хорошо за тридцать, и поэтому я просто молчал.

Молчал и он, морщась и крутя в руках бутылку.

А потом произнес:

– Суки. Пистолет из говна.

– Что? – не понял я.

– Пистолет из говна. Знаешь, это когда в детстве великовозрастные придурки на детской площадке палочками делают из собачьего говна пистолет, а потом зовут какого-нибудь ребенка лет шести и кричат: «Вон, смотри, какой пистолетик! Бери скорее, он твой!» И ты бежишь и радостно хватаешь, потому что веришь людям и считаешь, что тебе повезло. Хватаешь – а пистолет из говна. И они ржут...

Я опять промолчал. Все и так было ясно.

Женя поднялся, сделал длинный глоток, поставил бутылку на верстак, подошел к сумке, выбрал топор, все тот же «кошачий коготь», повернулся к бревну и бросил. Оружие полетело криво, плашмя ударилось о дерево и зазвенело по цементному полу.

– Черная полоса, – объявил Женя, покачиваясь. – Но она пройдет, вот увидишь! Надо только подождать. Эти уроды... Мне просто не повезло. Когда начинаешь... новый... новое... короче, когда стартуешь, первые метры дис... диц... дец... дециметры первые... они самые трудные. Нильс, вот ты данчанин.

– Датчанин, – поправил я.

– Вот ты данчанин... Из Дании, короче. Ты... – Он скривил рот. – Ты знаешь, что такое – начинать с нуля? С чистого листа, с новой рубашки... Блин, при чем тут рубашка? Новая! Где мой вискарь?

– Женя. – Я подошел к нему. – Ты немного нагрузился. Перебрал. Пойдем, я отвезу тебя домой.

– Домо-о-ой?! – Он поднял на меня совершенно мутные, невидящие глаза. – Какой нахрен домой! Нету! Нету у меня дома, понимаешь?! Ничего нету. Я теперь живу... здесь.

И он повалился на покрывки, попал локтем в дыру, сделал вид, что так и хотел, улегся в нелепой позе и засмеялся пьяным злым смехом.

– Я все равно... Ха-ха! Нильс, я все равно стану... царем горы! Помнишь, помнишь, как в детстве? У вас в Дании играли в царя горы?

– Наверное. – Я пожал плечами.

– Ни хрена ты не знаешь. – Он махнул рукой. – Дай закурить.

– Я не курю.

– Я тоже... не курил. А теперь вот...

– Погоди. – Я подошел к нему, присел на корточки рядом. – Давай поговорим нормально. Ты что, ушел из дому?

– Уше-е-ел?! – Он опять засмеялся. – Ха-ха! Евгений... Кравцов никогда никуда не уходил! Меня... Она... Она меня выгнала... Понимаешь?! Сказала: «Иди, работай. Вернешься, когда станешь...»

И тут он заплакал. Смех перешел в слезы, перешел как-то очень естественно, как это бывает у пьяных. Взрослый, большой мужик размазывал по лицу грязь и дергался всем телом.

– Меня-я-я-я... Выгнала-а-а-а... Су-у-уки...

Я понял, что не могу оставить его вот так – пьяного, в нестабильном психическом состоянии, как это называется, да еще и в гараже. Но не везти же его домой, черт побери! Там Арита, там... Нет, это невозможно. Но тогда куда?

И тут я вспомнил про Гретту, Гретту Олдерсон. Эта пожилая, степенная женщина, пожалуй что самая спокойная и вменяемая из всей датской диаспоры здесь, в России, восьмой год жила в Москве и управляла небольшим хостелом у метро «Киевская». Мы приятельствовали, пару раз я передавал ей из Дании какие-то посылки, пару раз она привозила мне что-то от родителей. В общем, Гретта была своим человеком, и я решил, что можно пока поселить Женю у нее, тем более что цены в хостеле были, что называется, по бюджету.

– Вставай! – сказал я Жене, нависая над ним. – Поехали.

– Пошел ты! Никуда я не поеду-у-у! – замычал он сквозь слезы.

Пришлось применить силу. Кое-как подняв его на ноги, я буквально волоком вытащил Женю из гаража – он отчаянно цеплялся за железный косяк, выл что-то про «Хоум, свит хоум!» – и погрузил в машину.

Пока я запирал двери, он выбрался из автомобиля и попытался сбежать. Я догнал его у соседнего гаража, схватил за вторник куртки, дернул. Женя упал на колени, и его вырвало практически одним виски – судя по всему, он давно ничего не ел. После этого он немного протрезвел, исподлобья посмотрел на меня и отчетливо сказал:

– Нильс, я скотина. Тупая и глупая... Меня кинули. Нет, я сам себя кинул. Договоров-то нет... ни одного! Я в жопе. В полной. Жанка... она сказала, что ошиблась, понимаешь? Во мне ошиблась! И теперь ей надо спасти нашу дочку. Поэтому она подает на раздел имущества. Но суда не будет. Ее арт-салон... и квартира. В общем, я ей все оставил, все. И теперь я нищий урод.

– Очень самокритично, – подметил я.

– Это все Джанибекян, чурка злобная! Это все эти... из «Газпрома». Мы, говорят, не уверены в стабильности вашего положения на рынке. Вы, говорят, потеряли деловую репутацию после ухода от... Суки!

– Пойдем, я отвезу тебя в гостиницу. – Я тронул Женю за рукав. – Ты поешь, помоешься, выплещешься. А потом поговорим.

Глава 4

Женя выглядел паршиво. Лицо его опухло, глаза покраснели и сузились. Но по крайней мере после душа и крепкого кофе он мог членораздельно разговаривать. Мы сидели в дешевой кофейне возле хостела Гретты. Я пил облепиховый чай. Мой приятель с тоской хлебал двойную порцию какого-то «супа дня» и рассказывал.

Шантаж Джанибекяна закончился быстрым и вполне закономерным увольнением. Но Женю это не остановило. Он с зашкаливающей самоуверенностью бросился на своих прежних клиентов, свято веря, что клиенты предпочтут его. Но клиенты решили иначе и между известным физическим лицом и известным юридическим лицом выбрали второе.

Контракты, на которые рассчитывал Женя, как говорят в России, накрылись медным тазом. Женя с тоски напился пьяным и в таком виде явился домой, где его ждал новый удар.

– Главное, она сама меня подзуживала: бросай все, тебя пользуют, посылай начальство, займись своим бизнесом... – жалился Женя, прихлебывая суп.

– И ты ей об этом напомнил?

– Конечно, напомнил. Что я, дурак, что ли?

– Дурак, – согласился я. – Надо было очень постараться, чтобы попытаться сделать виноватой беременную женщину.

– Но я же прав, – упрямо повторил Женя.

– Да будь ты хоть тысячу раз прав. Ни одна «сильная женщина» не позволит мужчине сделать себя неправой. Наизнанку вывернется и перекрутится морским узлом, но не позволит. А беременная... На что ты вообще рассчитывал?

Женя хлюпнул супом и принялся сосредоточенно грызть хлебную корку.

– Ни на что я не рассчитывал, – сообщил он наконец, – пьяный я был, Нильс. В дрова. Она на меня и накинулась. Ну, и я среагировал. В общем, слово за слово, она мне на дверь и показала. Мол, «я в тебе разочаровалась. Думала, ты на что-то способен, а ты – пустое место». А я не пустое место, Нильс. Я докажу!

– Что ты собрался доказывать? Ты уже все доказал.

Он отложил ложку и посмотрел на меня каким-то совершенно непробиваемым взглядом. Так, должно быть, смотрит баран, прежде чем врубиться рогами в бетонную стену.

– И ты в меня не веришь, – тихо проговорил он. – Ничего, мы еще повоюем...

Это звучало глупо и совершенно нерационально.

– Женя, – попробовал убедить я, – ты уже повоевал. Не надо больше. Давай я тебе помогу.

– Чем ты мне поможешь? Клиентов подгонишь?

– Нет. Поговорю с Джанибекяном.

– Да пошел он к едрене фене, этот Джанибекян! – окрысился Евгений, и я понял, что он все еще не протрезвел.

Мне захотелось взять и встряхнуть его. Не то чтобы я имел на это моральное право, скорее, во мне говорил гуру. Хотя какой гуру... Мы ж не топоры кидаем, а о жизни говорим. О его жизни.

– Женя, успокойся. Подумай. У тебя ведь семья.

– Нет у меня семьи. – Евгений отставил пустую тарелку и вытащил сигареты. – Курить охота. Огонь есть?

– Мы в общественном месте. Здесь нельзя курить. Или тебе проблемы нужны?

Он поглядел на меня с кривой усмешкой и нервно захохотал, повторяя на разные лады: «Проблемы». Когда на нас стали коситься из-за соседних столиков, Женя так же резко оборвал смех и отложил сигареты.

– Проблемы, – повторил он неожиданно спокойно. – Да у меня их уже полон рот.

– Это решаемо. С Джанибекином я договорюсь. Жанна... она тебя примет. Протрезвешь, придешь, поговорите – примет. И все вернется в норму.

Я встал из-за стола:

– Только прошу тебя, ничего пока не предпринимай.

– Предпринимай, не предпринимай... – поднялся следом за мной Женя. – Я сейчас вот пойду в твой хостел и лягу спать. Как там ваш принц говорил... «Скончаться. Сном забыться. Уснуть... и видеть сны? Вот и ответ». Вот и ответ.

– Забывайся, отсыпайся. Я заеду на днях. Только ничего не делай.

– Что мог, я уже сделал, – меланхолично отмахнулся Евгений. – Уснуть и видеть сны!

И он поплелся к выходу.

* * *

Я давно заметил, насколько субъективно восприятие. Иногда бывает: услышишь мнение о знакомом, и кажется, что ты знаешь какого-то другого человека. Взять, к примеру, Джанибекиана. Я знаю его как крепкого бизнесмена с хорошей деловой хваткой. Ко всему прочему он порядочный и интеллигентный человек. Ну, насколько это позволяет крепкая деловая хватка. Он может быть как милым и улыбчивым, так при желании и достаточно жестким. У Джанибекиана есть чему поучиться в ведении бизнеса. Но это на мой взгляд. Если же смотреть с позиции некоторых наших общих деловых партнеров, то Джанибекиан – «чурка дикая».

«Ну, вы же понимаете, господин Хаген, – с улыбкой объясняли они мне, – у вас в Европе совсем другое понимание ведения дел. С вами приятно иметь дело. А этот... гопота. В девяностых из своего аула с гор спустился, нахапал сколько смог, а теперь его деньги на него работают. Вы же понимаете».

Я понимал, хотя за разъяснением значения слова «гопота» мне пришлось обращаться к Арите. Но понимал немного иначе: те, кто в девяностых годах прошлого века в России просто бандитствовали или «хапали», сейчас ничего не имеют и ничего не значат. И деньги сами по себе ни на кого не работают. Чтобы деньги работали, надо иметь решительность, определенный склад ума и исключительное трудолюбие. Ну, если ты, конечно, хочешь руководить серьезным делом, а не прожигать жизнь, как рантье.

У Джанибекиана были и решительность, и трудолюбие, и голова работала как надо. Что не мешало Евгению, например, отзывать о бывшем начальнике как о «тупом чванливом баране». Ну, у Жени хотя бы повод для этого был. Во-первых, как у подчиненного, во-вторых, как у бывшего подчиненного. А сторонние люди, тем более, люди, работающие в финансовой сфере, могли бы разглядеть в Джанибекиане что-то помимо «дикой чурки». Разве что он их тоже чем-то лично задел.

Когда я вошел в кабинет, Джанибекиан мило улыбался, будто подтверждая мои мысли.

– Здравствуйте, Нильс.

– Здравствуйте, Арам, – ответил я в тон ему.

Джанибекиан вышел из-за стола, мы обменялись рукопожатиями, и он указал мне на обширный белоснежный кожаный диван, расположившийся в стороне от массивного стола. Указанное место настраивало скорее на дружескую беседу, чем на официальные переговоры.

– Чай? Кофе? Или, может быть, что покрепче? Виски, бренди, коньяк? – поинтересовался Джанибекиан, пока я устраивался на диване.

– Для коньяка вроде бы рано, – улыбнулся я ему. – А для виски уже поздно.

Он улыбнулся в ответ.

– Тогда кофе.

Джанибекиан нажал кнопку на селекторе и попросил мягким бархатным голосом:

– Наташа, сварите, пожалуйста, два кофе мне и гостю.

На слове «кофе» он сделал какой-то особый акцент и тут же пояснил уже для меня:

– Исключительный кофе. Такого вы не пили, Нильс. Мне его привозят специально из Колумбии.

Тихонько приоткрылась дверь, и длинноногая Наташа принесла кофе. По кабинету потек и вправду невероятный аромат. Джанибекян сам снял с подноса чашку и поставил передо мной на журнальный столик со стеклянной столешницей.

– Пробуйте.

Я пригубил кофе, ожидая, что аромат, как это часто бывает, окажется ярче и насыщеннее вкуса. Но вопреки ожиданиям вкус тоже оказался невероятно глубоким и насыщенным.

– А? – как-то задиристо поинтересовался хозяин кабинета.

– Да, – кивнул я.

Довольный Джанибекян уселся на диван и взял вторую чашку.

– Жаль только, мало в этот раз привезли, у них там какая-то забастовка была, производство приостановили, – с искренней печалью заметил он. – А то бы я с вами поделился. В вашей Дании такого нет.

– В Дании такого нет, – согласился я. – Но я давно уже не в Дании, а в России.

– В России такого тоже нет, – отмахнулся Джанибекян. – Так с чем вы пожаловали, Нильс? Новый проект? Предложение, от которого нельзя отказаться?

Джанибекян мягко улыбался, но взгляд его был острым, цепким. Я отставил чашку.

– Нет, Арам. На этот раз просто просьба, от которой можно отказаться.

Взгляд Джанибекяна стал острее, улыбка шире:

– Ну, Нильс, сомневаюсь, что вы можете попросить чего-то такого, что я не смог бы сделать в счет прошлого и будущего партнерства. Разве только если это незаконно.

– Все законно, – улыбнулся в ответ я. – Речь о вашем сотруднике, Евгении Кравцове.

Джанибекян резко перестал улыбаться и спрятал отсутствие улыбки в чашке с кофе, делая очередной глоток.

– Он уже не работает на меня. – Джанибекян поставил чашку и посмотрел на меня острым взглядом без улыбки.

– Я знаю, что между вами возникли разногласия, но...

– Вы пришли за него попросить? – снова перебил меня хозяин кабинета.

– Он мой приятель, – честно признался я. – И он сейчас в очень скверном положении.

– Он сам загнал себя в это положение, – отрезал Джанибекян. – Я не дам ему повышения.

– И не надо. Просто верните ему его должность.

– Она его не устраивает.

– Не его. Его... его сбили – как у вас говорят, с панталыку, да?

Джанибекян удивленно кивнул. Я отметил это. У меня в лексиконе имеется несколько редко употребляемых русских разговорных выражений – они хорошо воздействуют на собеседника, заставляя концентрироваться на важных моментах.

– Так вот – его сбילה с панталыку беременная жена. Арам, у вас трое детей, вы же знаете, что такое беременная женщина.

– Знаю. А еще я знаю, что настоящий мужик не решает дела с оглядкой на женщину, даже беременную.

– Он же хороший специалист, – вставил я.

– Хорошие специалисты тем более не работают по женской указке, а если работают, то они хреновые специалисты! А беременная женщина должна сидеть дома и думать о семье и уж точно не о работе своего мужика. Кроме того, если он такой прекрасный специалист, почему бы вам не взять его себе?

Джанибекян снова улыбнулся.

– Арам, у меня есть свои прекрасные специалисты и нет повода выгонять их на улицу. А у вас вакантное место топ-менеджера, на которое вы еще долго будете искать специалиста уровня Кравцова. Разве нет? Давайте будем честными.

Я посмотрел в глаза хозяину кабинета, он не отвел взгляда, но хохотнул.

– Если быть честным, да. У меня сейчас серьезная брешь в кадрах, и восполнить ее пока не получается. Рынок труда определенно просел в последнее время, так что хорошего специалиста днем с огнем не найдешь. Уж вы-то это знаете, иначе бы не пришли, верно?

Я кивнул.

– Но я уже говорил, мне не нужен специалист какого угодно уровня, если он шантажирует меня по указке беременной жены. Я не терплю глупости и упрямства. Особенно глупого и упрямого шантажа, Нильс. Шантаж противоречит конструктивному деловому общению.

– А если шантажа, глупости и упрямства больше не будет?

Джанибекян причмокнул губами.

– Человек оступился, Арам, – продолжил мягко настаивать я. – Эмоциональный поступок, гордость, ошибка. Ведь можно простить одну ошибку? Дать второй шанс? По-человечески простить, наконец?

Я снова посмотрел ему в глаза, и Джанибекян расхохотался.

– А вы хитрый лис, Нильс. Хитрый датский лис... Смирре. Так, кажется, в сказке Сельмы Лагерлеф про мальчика и диких гусей звали лиса, который хотел съесть гусей на льдине?

Я отметил про себя, что Джанибекян тоже умеет вычленивать в разговоре важный момент и сделать паузу.

– Никогда бы не подумал, что вы читаете детские сказки.

– Вы же сами вспомнили, что у меня трое детей, – усмехнулся он. – Приходилось и читать, и слушать, и пересказывать.

Я кивнул и вернулся к разговору.

– Уверяю, Арам, я не лис. Просто пытаюсь помочь товарищу в трудную минуту. Если вы сделаете шаг навстречу и возьмете Кравцова обратно на работу, ничего, кроме пользы, от этого вам не будет. Подумайте.

– Намекаете, что я упираюсь? – Джанибекян снова хохотнул. – Может, и так, но у меня есть на это право. Разве нет?

Я промолчал.

– Ладно, черт с вами. Пусть приходит в понедельник, я с ним поговорю. Но учтите, второй ошибки я не прошу даже в счет нашего с вами прошлого и будущего партнерства.

Из его взгляда пропала острота, и я расслабился, чувствуя, что дело сделано:

– Об этом я и не прошу.

– Хотите еще кофе?

– Хочу, – честно ответил я.

Он подошел к столу и нажал кнопку на селекторе:

– Наташа, еще два кофе, пожалуйста, – и повернулся ко мне: – Ну а как ваша беременная супруга?

Я только вздохнул, да так тяжело, что сам удивился.

* * *

– Нет, Ни. И не проси. – Арита была неожиданно категорична.

– Почему? – не понял я. – Вы ведь подруги.

Арита сидела на кровати и смотрела совершенно непонятное мне российское реалити-шоу «Дом-2» на канале ТНТ без звука. Это была ее новая находка. Передача о том, как ругаются, мирятся, дерутся, плачут и кричат молодые и не очень люди, ей нравилась, но

при этом смотрела она ее исключительно без звука, потому что «все там городят несусветную чушь».

Во всяком случае, без звука можно спокойно поговорить с женой.

– Какие подруги, Ни? О чем ты? – вопрошала супруга, глядя на меня так, будто я только что оскорбил ее в самых лучших чувствах.

– Мне казалось, вы неплохо общаетесь. И ты часто с ней перезванивалась в последнее время.

– Мало ли с кем я общаюсь... И потом должна же я чем-то заниматься, пока вы с ее мужем кидаете эти ваши железяки. Нет, я понимаю, у мальчиков свои игрушки, и им иногда надо отдыхать от девочек. Но ведь и девочки могут отдохнуть от мальчиков.

Арита была по-своему логична и спокойна настолько, что я начинал сомневаться в собственной логике. От масштабных сомнений меня удерживал только тот факт, что из нас двоих она, а не я был хомо беременнус.

– И вообще с чего ты взял, что я стану вести с ней подобные разговоры?

Я пожал плечами:

– Потому что я тебя об этом прошу.

– Так не проси!

Круг замкнулся.

Если бы моей женой была бы Жанна Сергеевна, я бы, наверное, сыграл на выгоде и товарно-денежных отношениях. Полагаю, что обещания новой шубки или колечка с бриллиантом было бы достаточно, чтобы моя просьба была исполнена. Вот только моей женой была не Жанна, а Арита, и с ней такие методы не работали. К моему хомо беременнусу нужен был какой-то другой подход.

– Согласись, если к ней пойду я, это будет странно. Мы с ней виделись считанные разы и практически не общались. Представь себе, я приду к ней, и что? С порога скажу: «Здравствуйте, я пришел помирить вас с мужем»? Как это будет выглядеть?

– Глупо будет выглядеть, – согласилась Арита.

– Другое дело, если ей позвонишь ты. Поговоришь с ней по-приятельски. Потом постепенно перейдешь к нужной теме и убедишь ее помириться с мужем. Ты же психолог.

– Я давно уже не психолог, – тут же отрикошетила Арита, но было видно, что такое определение ей польстило. А может, не само определение, а мое отношение к ней как к психологу. Так или иначе, категоричности в ее голосе стало меньше: – Он твой приятель, вот ты ему и объясни, что он придурок. Пусть пойдет к жене и сам договорится.

– Я ему уже объяснил, что он поступил неумно. Он все понял, но ему надо помочь. Подготовить ее, чтобы она хотя бы домой егопустила.

Арита встала с кровати и выключила телевизор. Как трактовать подобный поступок, я не знал, а потому продолжил:

– Ари, поговори с ней, пожалуйста. Я тебя очень прошу. Сделай это для меня.

– Как будто тебе это нужно. – Арита вышла из комнаты, переваливаясь на ходу, как утка. Я пошел было за ней, но меня тут же осадили: – Нильс Хаген, хватит ходить за мной по пятам. Я беременная, а не инвалид. И я не стану ей звонить оттого, что ты ходишь за мной, как тень!

Я послушно свернул в кабинет. Арита направилась на кухню. Через пару минут я услышал из-за стены ее милое щебетание:

– Жанчик, приветик. Это Рита... Как дела?.. А настроение?..

Я улыбнулся: подход был найден верно.

* * *

Я не люблю интриги. Я вообще за чистые, открытые отношения. Когда все на виду. Если между двумя людьми возникает какое-то напряжение, нельзя держать его внутри. Нельзя молчать. Надо сразу проговаривать. В противном случае замолчанное накапливается, и в конце концов происходит взрыв. И так случается всегда: ты один раз наступаешь себе на горло, другой, третий, а на десятый уже не можешь и выплескиваешь все, что накопилось. И замолчанный конфликт сразу переходит в стадию открытых боевых действий.

Можно, конечно, улыбаться в лицо и манипулировать за спиной, но для этого нужно очень не любить людей.

Я не мизантроп, так что второй вариант – не мой. Потому я за прозрачность и открытость. Это касается и деловых отношений, и личных. Всегда. Ну, почти всегда. Но исключения только подтверждают правила, ведь так?

Арита надо мной посмеивается, она уверена, что честных открытых людей не бывает, а я – вымирающий вид, который уже даже в Красную книгу заносить поздно. Но я с этим не согласен. Тем более, из уст Ариты это звучит странно. Она же психолог, так что должна понимать, что конфликты нужно решать, проговаривая. Как это... встать над ситуацией, кажется. А чтобы встать над ситуацией, нужно увидеть ее со всех сторон. То есть опять же – проговорить с противоположной стороной. Так что открытые отношения спасут мир, просто любую проблему можно и нужно обсудить. Взять хотя бы конфликт Жени с Джанибекином и, как следствие, конфликт Жени с Жанной Сергеевной. Стоило только проговорить его со всеми сторонами, и он оказался легко разрешим.

Люблю, когда все складывается удачно. Когда в одну точку сходятся несопоставимые, казалось бы, линии и все решается ко всеобщему удовлетворению.

Примерно с таким настроением и довольной улыбкой на лице я пришел во владения Гретты Олдерсон к спасенному Жене. Оставалось только рассказать ему о спасении, и можно было бы считать свою миссию выполненной. Вот только одно обстоятельство заставило меня перестать улыбаться. Жени на месте не оказалось.

Гретта с обстоятельностью эдакой домохозяйки вроде миссис Хадсон сказала:

– Ваш друг ушел утром, но обещал вернуться после обеда. Будете ждать или оставите сообщение?

Можно было бы, конечно, плюнуть на Женю, который убежал куда-то вопреки обещанию дожидаться меня на месте, но обиды с моей стороны сейчас были непродуктивны. Во-первых, все уже было сделано, и оставалось только поставить точку. Во-вторых, Женя – взрослый мужчина, и у него могли возникнуть какие угодно дела, которые требовали быстрого включения.

И я уселся ждать, тем более что обеденное время подходило к концу, а значит, Женя должен был вернуться скоро.

Ждать пришлось недолго. Не прошло и получаса, как Евгений появился в фойе, трезвый, бодрый и немного возбужденный.

– Привет! – объявил он.

– Привет, – ответил я. Такое его настроение нравилось мне куда больше. – Я смотрю, ты поборол меланхолию.

– Поборол. У меня есть предложение: поедem в гараж, покидаем топоры?

– Поедем, – легко согласился я. – Тем более, и повод есть. В понедельник утром ты идешь к Джанибекину. Он отнесся с пониманием к твоей истории и готов забыть о ваших мелких неурядицах.

Глаза Евгения засияли ликующим блеском, но радоваться, как оказалось, мне было рано.

– К черту Джанибекина с его пониманием! – отрубил Евгений.

– Как это?.. – Его напор поверг меня в легкую растерянность. – Почему? Тебе работа не нужна? Ты миллион в лотерею выиграл? Или наследство получил?

– Прозерпину помнишь?

– Кого?

– Ну эту вашу предсказательницу, гадалку, или как ее там. Короче, я был у нее. Все просто, Нильс. Меня сглазили. Понимаешь? Сглазили! Но теперь все в порядке. Все в ажуре, Нильс! Она мне сделала приворот на удачу и на деньги. Так что теперь дела пойдут в гору. А Джанибекия пусть себе отсосет.

– Ты вроде не пьяный... – выдавил я через навалившуюся на меня смесь удивления и непонимания.

– Я совершенно трезв, Нильс.

И это было совершеннейшей правдой. Вот только глаза у Жени сверкали безумием, и это пугало сильнее, чем если бы он валялся здесь, как говорят русские, пьяным в стельку.

Глава 5

Всегда печально видеть, как разрушается то, что ты создавал своим трудом. Вдвойне печально, если труд был упорным. Втройне – если ты делал усилие над собой. А вот когда рассыпается в прах то, что ты созидал с благими намерениями, речь идет уже не о печали. Тут в ходу иные эмоции. И первое, что хочется сделать, – это крепко, от души выругаться.

Когда я был маленьким, мы часто ездили из Копенгагена летом отдыхать на море, в Лигурию, в маленький городок Сестри Леванте, расположенный километрах в сорока или пятидесяти к востоку от Генуи. Мои родители считали, что всем нам, северянам, остро необходимо получать «витамин солнца», а самый лучший, самый качественный его вариант изливается с небес именно в Италии.

От тех поездок у меня в памяти осталось немного: эмалевое небо, густая зелень туй и кипарисов, смуглые улыбающиеся мужчины в белых рубашках – уж и не вспомню, кем они были. Водителями? Портье? Продавцами? Гидами? Просто прохожими?

Еще помню горы фруктов на столе в гостиничном номере – моя мама «фруктовая мушка», как она сама говорит, и дня не может провести, чтобы не съесть абрикос, грушу, какую-нибудь маракуйю или на худой конец банан или яблоко. Помню вино в темных бутылках, фейерверки в ночном небе в честь какого-то местного праздника – вот, пожалуй, и все, не считая пляжа.

Этот самый пляж, небольшой, необычный для тех мест, потому что почти везде была галька, а там именно песок, на который накатывали ленивые волны Средиземного моря, стал, пожалуй, самым ярким моим детским воспоминанием. Квинтэссенцией детства, если так можно выразиться.

Мы приходили туда утром. Родители расстилали на лежаках полотенца, отец поправлял зонт, чтобы тень падала правильно, а я уже несся к полосе прибоя, размахивая пластмассовым синим ведерком и совком, сделанным в форме черепашки.

Моей страстью, смыслом моего существования в тот период было возведение замков. Песочных, разумеется. Или песчаных, даже не знаю, как правильно. Меня не манило море, не радовали мороженое и холодный арбуз, который разносили в лотках смуглые подростки. Я не хотел играть с другими детьми, особенно с туповатыми англичанами и шумными, невоспитанными немцами.

Я строил. Это было божественно, потому что... Наверное, потому что было связано с творчеством и созиданием, и тогда, в четырех- или пятилетнем, не помню точно, возрасте, я впервые ощутил все волшебство процесса. Я был практически богом! Совочком-черепашкой я копал в песке колодцы, в которые просачивалась вода, и представлял, что это огромные карьеры, на краях которых столпились тысячи крохотных строителей, готовых по приказу своего повелителя приступить к созданию самого великого в мире замка, неприступной крепости, слава о которой останется в веках.

Зачерпнув ладошкой мокрый песок из колодца, я начинал отливку фундамента замка, выпуская водно-песчаную пульпу из неплотно сжатого кулака. Это было не очень интересно, но важно – от того, насколько ровно будет сделан фундамент, зависела высота будущего замка.

В процессе я разговаривал с невидимыми строителями, подбадривая их словами из телепередач и мультфильмов: «Давайте, парни, давайте! Солнце высоко, а беда близко! Скоро коварный враг вступит на наши земли, а у нас еще нет стен, чтобы защитить наших детей!» Ну и так далее.

После фундамента наступало время башен. Основу для них я делал из сырого песка, набрав его в ведро, а затем полужидким песком доводил до совершенства, создавая зубцы, кровли, шпили, башенки и всевозможные архитектурные излишества.

В центре замка я возводил донжон. Это была кульминация строительства, вершина моего фортификационного искусства. Чтобы донжон получился как можно выше, я использовал для каркаса обломок черенка от сачка и пластиковую ракетку для игры в сквош, у которой потерялась пара. Над донжоном я трудился иногда около часа, постепенно делая его выше, толще, величественнее. Когда основа башни достигала моего плеча, я делал шпиль и приступал к украшательству. В итоге получалось нечто, одновременно напоминающее замок Золушки и крепость Людовика Второго Баварского Нойшванштайн.

Весь пляж – мне так казалось! – приходил смотреть на мое творение. Взрослые восторгались, дети завидовали. Солнце бешено сияло в небесах. Мои родители сдержанно гордились в сторонке. Какой-нибудь толстый немецкий мальчик норовил «как бы нечаянно» попасть в замок мячом. Его родители порицали хулигана, а я прикрывал замок всем телом, готовый в тот момент погибнуть за него.

Это был мой триумф, и лучи славы согревали меня куда сильнее, чем лучи солнца.

А потом, под вечер, происходило то, чему я не мог дать объяснения: море, ласковое и теплое, то самое море, что плескалось в десяти, двадцати, а иногда и пятидесяти шагах от замка, вдруг начинало двигаться ко мне, словно неисчислимы вражеские полчища. Медленно, но неотвратимо они приближались, пожирая пространство, и вот уже первые волны начинали лизать подножие песчаных стен.

И происходила катастрофа...

Много позже я узнал, что во всем был виноват прилив, из-за которого и повышался уровень воды. Но тогда, в детстве, это было высшей несправедливостью – море поднималось и уничтожало все плоды моих трудов, мою гордость, и даже спросить оказывалось не с кого, виноватых не было. Я рыдал до икоты, отказывался от еды и питья. Родители были расстроены и даже решили отказаться от посещения пляжа, перенеся купание в бассейн отеля, но обиды хватило всего на два дня – могучая тяга к творчеству звала меня на берег, туда, где тысячи незримых крохотных строителей ждали своего повелителя и Демиурга...

И я вновь строил замки, и море вновь разрушало их...

Так вот – когда я услышал от Евгения вот это: «меня сглазили, Нильс. Но теперь это ничего не значит. Она мне сделала приворот на удачу и на деньги. Так что теперь дела пойдут в гору. А Джанибекян пусть себе отсосет», перед внутренним взором у меня возникла картина из детства: волны накатывают на песчаный берег, постепенно подбираясь к моему замку. Рушатся башни и башенки, оседают стены, обваливаются карнизы и балконы, расплзается огромной алчной пастью расположенный рядом колодец – и поглощает остатки замка. Двадцать минут, и от «величайшей в мире» крепости остается только пологая ямка, на дне которой глупо синее перевернутое ведро.

* * *

Я очень хотел дать Евгению в морду, именно в «морду», потому что в тот момент у моего товарища лица не было. В детстве я не мог избить море, да, собственно, и во взрослом возрасте это было невозможно, хотя древний персидский царь Ксеркс и повелел в свое время высечь Дарданеллы. Еще по его приказу в море кидали цепи и кандалы, чтобы таким образом «сковать» стихию.

Я не древний перс. Но и Евгений не был морем. Теперь тупая и бессмысленная разрушительная сила имела персонификацию. Она стояла и улыбалась. И – каюсь – я не смог сдержаться, особенно представив, какое лицо будет у Джанибекяна и что он обо мне подумает.

Мой кулак пролетел в улыбку Евгения, как снаряд. Женя повалился на пол – все же я «неслабый такой дяденька, шланг двухметровый», как однажды сказала Арита.

– Ты что?! – обиженно завопил Евгений, зажав рукой разбитый рот. Сквозь пальцы сочилась кровь. – Охренел?!

– Это ты... охренел! – с трудом удерживаясь от того, чтобы начать пинать его, процедил я. – Ты хоть понимаешь, что... меня подставил? Я за тебя ходил! Просил! Я договорился!

– «Я» – последняя буква в алфавите! – рявкнул Евгений. Кажется, он тоже разозлился.

– Это в вашем, а у нас последняя буква – «сэд»! – прорычал я в ответ. – И на нее начинается такое слово, как «zero», что переводится как «ноль»!

– Нильс! – Евгений начал вставать, одновременно шаря по карманам в поисках платка.

– Да пошел ты! – кинул я, перешагнув через его ногу и вышел, хлопнув дверью.

В то мгновение я решил, что больше никогда – вообще никогда! – не буду общаться с хорошим специалистом Евгением Кравцовым. И не стану никому помогать, ибо благими намерениями вымощена дорога в ад не только для того, кому оказали помощь, но и для дураков-альтруистов вроде меня.

* * *

Вечером, вернувшись домой, я, видимо, все еще выглядел мрачнее тучи – по крайней мере Арита именно так охарактеризовала мой внешний вид.

– Что-то случилось? – спросила она, усаживая меня ужинать.

Я уныло поковырял вилкой запеченную рыбу, хмыкнул и пожал плечами. Говорить не хотелось. Хотелось выпить стакан виски и лечь спать.

– Ни, у тебя неприятности на работе?

– Ари, не начинай. Просто мне... нездоровится.

– Ты заболел? – Глаза Ариты округлились. – Температура? Вирус?

Я спохватился – не хватало еще расстроить беременную жену из-за этого придурка!

– Все нормально... голова побаливает. Скоро пройдет. Отличная рыба!

Но моя неуклюжая попытка переменить тему провалилась.

– Так! – строгим голосом произнесла Арита. – Нильс Хаген, немедленно рассказывай, что произошло!

Пришлось сдаться и пересказать, опустив подробности, последний разговор с Евгением.

– Надеюсь, ты не стал его бить? – Арита внимательно посмотрела на меня из-под челки. – Ни, ведь не стал?

Я вздохнул.

– Ясно. – В голосе Ариты явственно прозвучало разочарование. – Отлично! Ты решил помочь человеку, а все закончилось тем, что ты его избил!

– Да не избивал я никого! Ударил один раз... не сильно. Ты же понимаешь – я договорился, я...

– «Я» – последняя буква в алфавите! – отчеканила она, невольно повторив Евгения.

Отложив вилку, я задумался. Видимо, мне так никогда и не будет дано понять этих русских. Казалось бы, я уже далеко не первый год живу здесь, знаю язык, бывал в разных ситуациях и, что немаловажно, успешно выходил из них, но вот произошло то, что произошло, – и я в тупике!

Да хуже того – в ловушке.

Обратного пути нет. Говорят, что мудрые люди не попадают в безвыходные ситуации, умные всегда находят из них правильный выход и только дураки бьются о запертые двери. Дураком мне быть решительно не хотелось. Мудрым я быть никак не мог, поскольку уже влез в этот капкан всеми четырьмя лапами. Значит, требовалось приложить все усилия, чтобы остаться хотя бы умным. При всем при этом мне не следовало, видимо, забывать и любимую

присказку дедушки Гуннара: «Взялся за весло – греби или вылезай из лодки». Вылезти я не мог. Оставалось только следовать совету.

– Ари, – осторожно спросил я, лихорадочно размышляя, как теперь выстраивать отношения с Евгением. – А его жена, она вообще чем сейчас занимается, на что живет?

– О, не беспокойся, – махнула рукой Арита. – Эта не пропадет. Она так устроилась, что дай бог каждому. Чай будешь?

– Буду, – я машинально кивнул. – А конкретнее?

– Да чего там конкретнее... сняла деньги со всех карточек, украшения, часы все спрятала и еще про ячейку что-то говорила.

– Про банковскую?

– Ну не про ячейку общества, с этим-то у них как раз все понятно, – усмехнулась Арита.

– И что там лежало? Ценные бумаги, акции?

– Ни, откуда ж я знаю. – Арита поставила передо мной дымящуюся чашку с чаем. – Мы же с этой Жанной не то чтобы даже подруги. Так, сестры по положению. – Она засмеялась. – Встретимся у Прозерпины, поболтаем перед началом пары минут – и все.

«Прозерпина, – подумал я, размешивая чай. – Вот откуда растут рога у этого быка. Что там плел Евгений? Что его сглазили?»

Значение этого слова было для меня не очень понятно. Дело явно касалось глаза, но у русских все и всегда неоднозначно, достаточно вспомнить знаменитую лингвистическую шутку, которую рассказывают всем изучающим этот язык: «За песчаной косой лопухий косой пал под острой косой косой бабы с косой». Поэтому я как можно небрежнее, как бы между прочим, спросил у Ариты, убиравшей со стола:

– А что такое «сглазить»?

Она засмеялась.

– Ни, с чего это ты заинтересовался бабскими забавами?

– Да вот про Прозерпину вспомнили...

– Ты давай не увливай. – Арита согнала с лица улыбку. – Что ты решил с Евгением? Человек мало того что все потерял, так еще и по лицу получил, и от кого? От того, кто обещал ему помочь!

– Ничего я ему не обещал... – пробормотал я, но больше для самоуспокоения.

– Обещал, обещал, – закивала Арита. – И вообще – все мы в ответе за тех, кого приручили.

– Это тоже русская поговорка?

– Это Антуан де Сент-Экзюпери.

– Философ?

– Французский летчик. Погиб во время боевого вылета над Средиземным морем в конце Второй мировой войны.

Я допил чай, поставил чашку в раковину, поцеловал Ариту в затылок.

– Спасибо, милая. Все было очень вкусно.

– Ты поговоришь с ним? – Арита повернулась, посмотрела мне в глаза. – Ни?

Я пожал плечами.

– Только не сейчас. Я же тоже не железный. Немного успокоюсь – тогда.

– Ты – железный, – убежденно сказала Арита. – Железный дровосек.

Я промолчал. За окном внизу светофор на перекрестке переключился с зеленого на красный свет.

* * *

Весь следующий день я размышлял над словами Ариты. В чем-то – или даже во всем, хотя мне и было нелегко это признать, – она была права. А я – нет. Но прежде, чем говорить с Евгением, мне требовалось кое-что выяснить. И после обеда, ближе к четырем, узнав, что Людмилы Петровны нет в офисе – она работала через день, – я сообщил секретарше, что поехал в посольство, а сам отправился к Прозерпине в салон.

Меня встретила помощница, опрятная старушка в халатике, платочке и войлочных тапочках.

– Вы по записи? – спросила она.

– Я... старый знакомый Людмилы Петровны.

– А, так вы повторно? – Старушка кольнула меня острым взглядом маленьких глазок.

– Д-да... Конечно, повторно.

– Проходите в салон.

Впрочем, «салон» – это было громко сказано. «Ясновидящая Прозерпина», как было написано в ее визитке, принимала на дому, переоборудовав одну из двух комнат своей небольшой квартиры под логово волшебницы-шаманки.

Именно эта ассоциация – «логово волшебницы» – возникла у меня, когда я очутился в затемненном, мрачноватом помещении. В бронзовых канделябрах горели свечи, пахло травами, ароматическими маслами и почему-то корицей. На полках лежали диковинные предметы: рог горного козла, большой хрустальный шар, старинные ключи, карты Таро, человеческий череп, пучки сухих трав, корни и полированные палочки с непонятными письменами. Посреди комнаты стоял большой письменный стол, покрытый черной бархатной скатертью. Прозерпина, облаченная, по-другому и не скажешь, в шелковую мантию, расшитую рунами, восседала за ним, устремив свой обычно рассеянный взгляд на посетителя. Рядом лежал большой черный кот.

Увидев меня, она не удивилась, не растерялась, только мягко кивнула и низким голосом произнесла:

– Присаживайтесь, пожалуйста, господин Хаген. Я ждала вас.

– Ждали? – Я уселся на стул, закинул ногу на ногу. – Почему?

– Ваш друг сильно пострадал, и я была уверена, что вы не останетесь безучастны к его беде. Я чувствую, вас мучают вопросы – так давайте начнем с них.

Я несколько смешался – у меня был несколько иной план относительно нашей беседы.

– Для начала я хотел узнать про... про сглаз.

Она улыбнулась, сплела пальцы, чуть откинулась назад.

– Что ж... Сглаз, или, как его еще называют, дурной глаз, – с точки зрения обычного человека это пережиток, распространенное у многих народов суеверие о вредоносном влиянии взгляда некоторых особых, так скажем, людей. От сглаза якобы болеют люди и животные, засыхают деревья, целые коллективы постигает неудача. Особенно опасаются сглаза во время родов и на свадьбах. Именно поэтому невесту облачают в фату, а беременных женщин не показывают чужим людям.

– Это все замечательно, – перебил я, – но давайте говорить предметно.

– Извольте, – старомодно выразилась Прозерпина. – Наука считает, что, как и другие суеверия, вера в сглаз – одно из самых распространенных проявлений магического мышления. По-видимому, ближайший источник суеверия лежит в первобытной демонологии, усматривавшей присутствие демонической силы в каждом человеке, а также в некоторых необъяснимых, но реальных явлениях – внушении, гипнозе.

– Это с точки зрения науки. А вы как считаете?

Она снова улыбнулась еле заметной, скупой улыбкой.

– Сглаз, господин Хаген, имеет строго научное объяснение. Наука, изучающая это явление, именуется эниологией, от аббревиатуры ЭНИО – энергоинформационный обмен. Она изучает виды тонких энергий, взаимодействующих с человеком. Продукция работы нашего мозга – мысли, чувства – всё имеет волновую энергетическую природу. Мысль материальна...

«Вот и эзотерика», – подумал я.

– Можно придать мысли точный адрес, то есть вызвать в воображении образ конкретного человека – и отправить ее по адресу. – Прозерпина расплела пальцы, сделала некий невнятный жест. – А коль мысль – это энергетическая волна, значит, она распространяется в пространстве. Мало кто из людей умеет целенаправленно владеть передачей мыслей на расстоянии. У абсолютного большинства это выходит само собой и даже не осознается. Враждебная мысль своей энергией наносит вполне реальный удар и пробивает энергетическую оболочку, которая есть у любого живого объекта и называется аурой, или биополем. В ней образуется в буквальном смысле дыра. Это и есть сглаз. На медицинских приборах, фиксирующих ауру, он сразу виден. Видим его и мы, экстрасенсы. Можно его не только видеть, но и ощущать ладонями, как яму или дыру в плотной, упругой поверхности биополя, и чувствовать, что место пробоя немного теплее, потому что именно в этом месте происходит потеря, утечка жизненной энергии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.